

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ. 2019. № 1 (7)

ISSN: 2658-6819

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IRYOUNG SCIENTISTS' HERALD



№1, 2019 (7)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**  
**Научно-аналитического журнала**  
**«ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА**

**Бажанов Евгений Петрович**, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Директор ИАМП Дипломатической академии МИД России.

**ЧЛЕНЫ СОВЕТА**

**Аникин Владимир Иванович**, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**Винокуров Владимир Иванович**, доктор исторических наук, профессор кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

**Грибанич Владимир Михайлович**, доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

**Данельян Андрей Андреевич**, доцент, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Международного права Дипломатической академии МИД России

**Егоров Сергей Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

**Жильцов Сергей Сергеевич**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

**Закаурцева Татьяна Алексеевна**, доктор исторических наук, профессор, проректор Дипломатической академии МИД России.

**Зверева Татьяна Вадимовна**, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**Иванов Олег Петрович**, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

**Иванов Сергей Евгеньевич**, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

**Карпович Олег Геннадьевич**, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, Первый заместитель директора Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**Каширина Татьяна Владиславовна**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений Дипломатической академии МИД России

**Логинов Борис Борисович**, кандидат экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

**Любимов Алексей Павлович**, доктор юридических наук, руководитель Центра международного права Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**Мозлов Асламбек Тотыбекович**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Восточных языков Дипломатической академии МИД России

**Моисеев Анатолий Васильевич**, кандидат военных наук, профессор кафедры Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

**Неймарк Марк Афроимович**, доктор исторических наук, профессор кафедры Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

**Ногмова Аделина Шафиковна**, кандидат политических наук, декан факультета Подготовки кадров высшей научной квалификации Дипломатической академии МИД России

**Рудов Георгий Алексеевич**, доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации

**Сидорова Надежда Павловна**, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**Сурма Иван Викторович**, кандидат экономических наук, заведующий кафедрой Государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

**Толмачев Петр Иванович**, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

**Феофанов Константин Анатольевич**, доктор политических наук, профессор кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России

**Штоль Владимир Владимирович**, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»

**Яхменев Петр Александрович**, кандидат экономических наук, руководитель Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

**EDITORIAL COUNCIL**  
**Scientific and Analytical Journal**  
**“IR YOUNG SCIENTISTS’ HERALD”**

**CHAIRMAN OF THE BOARD**

**Evgeniy Bazhanov**, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Director of the ICIS of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

**MEMBERS OF THE BOARD**

**Adelina Nogmova**, Ph.D. (Political Science), Dean of the Faculty for the Training of Scientific Personnel of the Highest Qualification of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Aslambek Mozloev**, Ph.D. (Historical Science), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Aleksey Lyubimov**, Doctor of Sciences (Law), Head of the Center for International Law of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Anatoly Moiseyev**, Ph.D. (Military Science), Professor of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Andrey Danelyan**, Doctor of Sciences (Law), Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Boris Loginov**, Ph.D. (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Georgy Rudov**, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation

**Ivan Surma**, Ph.D. (Economics), Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Konstantin Feofanov**, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Mark Neimark**, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Nadezhda Sidorova**, Ph.D. (Political Science), Leading Researcher of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Oleg Ivanov**, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Oleg Karpovich**, Doctor of Sciences (Law, Political Sciences), Professor, First Deputy Director of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Petr Tolmachev**, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Petr Yakhmenev**, Ph.D. (Economics), Head of the Center for World Economy of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Sergey Egorov**, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Sergey Ivanov**, Ph.D. (History), Head of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Sergey Zhiltsov**, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Tatyana Kashirina**, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Tatyana Zakaurtseva**, Doctor of Sciences (History), Professor, First Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Tatyana Zvereva**, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute of Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Vladimir Anikin**, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Topical International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Vladimir Gribanich**, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**Vladimir Shtol**, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer»

**Vladimir Vinokurov**, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

**«ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»**

Научный периодический электронный журнал «Вестник молодых ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой. Входит в РИНЦ.

**Цель журнала** — публикация материалов по специальностям:

07.00.00 Исторические науки и археология;

08.00.00 Экономические науки;

12.00.00. Юридические науки;

23.00.00 Политология.

Изданию присвоен номер **ISSN: 2658-6819**

**Периодичность:** выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

**Научный руководитель**

О.П. Иванов, д. полит.н.

**Редакционная коллегия журнала**

*Р.Н. Шангараев* – главный редактор, к.эк.н.

*О.А. Тимакова* – заместитель главного редактора, к.полит.н.

*И.О. Анисимов* – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

*Л.Н. Кулябина* – редактор, к.полит.н.

*Н.С. Белякова* – редактор, к.полит.н.

*Е.Е. Гуляева* – редактор, к.юр.н.

*Н.А. Фаустова* – редактор, к.филол.н.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: [vestnik-smu-da@yandex.ru](mailto:vestnik-smu-da@yandex.ru)

## IR YOUNG SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR YOUNG SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

The **purpose** of the magazine is to publish scientific papers on the specialties:  
07.00.00 Historical Sciences and Archeology;  
08.00.00 Economic Sciences;  
23.00.00 Political Science;  
12.00.00 Legal sciences.

**ISSN: 2658-6819**

**Periodicity:** published 4 times a year(quarterly) and distributed in the Russian Federation.

### **Scientific adviser**

Professor O.P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science)

### **Editorial Board of the Journal**

R.N. Shangaraev - Editor in Chief, Ph.D. (Economy)

OA Timakova - Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov - Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

L.N. Kulyabina – Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova - Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva - Editor, Ph.D. (Law)

N.A. Faustova - Editor, Ph.D. (Philological Science)

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL No. FS 77-69319, April 6, 2017.**

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail

address:

[vestnik-smu-da@yandex.ru](mailto:vestnik-smu-da@yandex.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

### ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

*Феофанов К.А.* Цивилизационное противостояние Запада и России как фактор формирования полицентричного миропорядка 10

*Борисов А.В.* Национальная идентичность в условиях глобального мира 17

### ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Аникин В.И.* Мировые энергетические проблемы и внешняя политика России 24

*Зиннуров И.Х.* Спорт как инструмент формирования имиджа России на международной арене 38

*Ногмова А. Ш.* Применение международного опыта приграничного сотрудничества в российской практике 44

*Шангараев Р.Н., Низамутдинова Д.И.* Особенности сотрудничества России со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива на современном этапе 55

### ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

*Кулябина Л.Н.* Уроки миграционного кризиса для стран Северной Европы 61

*Ломова А.А.* Политика Европейского Союза по обеспечению гуманитарной безопасности на примере стран Африки (регион Сахель) 73

*Воробьёва Ю.В.* Инициатива Итальянской Республики по внедрению концепции «культурного миротворчества»: перспективы и вызовы 87

### ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Лесников Г.Ю., Ляхов Е.Г., Тарасова С.С.* К вопросу формирования институтов защиты участников уголовного судопроизводства как основе и результату национальной и международной уголовной политики 93

*Гуляева Е.Е.* Применение концепции «горизонтального эффекта прав (Drittwirkung)» к праву на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. 99

**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ** 109

## CONTENTS

### GLOBALIZATION AND CIVILIZATION

- K. Feofanov* Civilizational Confrontation between Russia and the West as  
Factor of Formation of Polycentric World Order 10
- A. Borisov* National Identity in Global World 17

### RUSSIAN FEDERATION FOREIGN POLICY

- V. Anikin* World Energy Issues and Russia's Foreign Policy 24
- I. Zinnurov* Sport as international arena Russia image formation tool 38
- A. Nogmova* Application of International Experience in Cross-Border  
Cooperation in Russian Practice 44
- R. Shangaraev, D. Nizamutdinova* Russia – Cooperation Council for the  
Arab States of the Gulf Contemporary Cooperation Peculiarities 55

### POLITICAL PROCESSES IN EUROPEAN UNION

- L. Kulyabina* Considering Migration Crisis For Nordic Countries 61
- A. Lomova* European Union's Policy of Ensuring Humanitarian Security 73  
on Example of African Countries (Sahel Region)
- Yu. Vorobieva* Concept of Italian Republic on “Cultural Peacemaking”:  
Perspectives And Challenges 87

### ISSUES OF INTERNATIONAL LAW

- G. Lesnikov, E. Lyakhov, S. Tarasova* On Formation of Institutions of  
Protection of Participants in Criminal Proceedings as Basis and Result of  
National and International 93
- E. Gulyaeva* Applying Concept of “Horizontal Effect of Rights  
(Drittwirkung)” to the Right to Liberty and Security of Person Under 1950  
Convention for Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 99

- NOTICE FOR AUTHORS** 109

## ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Феофанов Константин Анатольевич**

Доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации.

E-mail: [konstantin.feofanov@gmail.com](mailto:konstantin.feofanov@gmail.com)

**Konstantin A. Feofanov**

Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: [konstantin.feofanov@gmail.com](mailto:konstantin.feofanov@gmail.com)

## ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДА И РОССИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРОПОРЯДКА

## CIVILIZATIONAL CONFRONTATION BETWEEN THE WEST AND RUSSIA AS FACTOR OF FORMATION OF POLYCENTRIC WORLD ORDER

**Аннотация:** Цивилизационное противостояние Запада и России имеет многовековую историю. В конце XX – начале XXI вв. его значимыми вехами становятся события в Югославии, на Украине, в Крыму и на Ближнем Востоке. Усиливаются действия России в области защиты своего суверенитета и национальных интересов. Возникают значимые изменения в международных отношениях, связанные с формированием полицентричного миропорядка, и новые уровни напряжённости в противостоянии с цивилизационным Западом.

**Ключевые слова:** цивилизационная теория, Запад, Россия, противостояние, русский мессианизм, американская исключительность, полицентричный миропорядок.

**Annotation:** Civilizational confrontation between the West and Russia has a centuries-old history. In the late 20<sup>th</sup> and early 21<sup>st</sup> centuries the new significant milestones of the West-Russia confrontation were events in Yugoslavia, Ukraine, Crimea and the Middle East. Russia's efforts to protect its sovereignty and national

interests intensified. The meaningful changes in international relations related to the formation of a polycentric world order took place, new levels of tension in the confrontation of the civilizational West with Russia arose.

**Keywords:** civilizational theory, the West, Russia, confrontation, Russian messianism, American exceptionalism, polycentric world order.

Предпосылки противостояния Запада и России начали формироваться ещё во времена ранней Византии. Со временем западные и восточные части бывшей Римской империи стали важной цивилизационно-геополитической детерминантой Евразии. Разрыв с Западом, Великая христианская схизма в XI в. обусловили не только усиление различий между католицизмом и православием, но и многочисленные вооружённые противостояния (в т.ч. битвы на Неве и Чудском озере 1240 и 1242 гг.). Запад стал восприниматься на Руси как «цивилизационно иной» и как агрессор, в общественном сознании зародилась и всё более усиливалась цивилизационная идеологема противостояния «мы» и «они».

Два с половиной столетия взаимодействия с Русью ослабили Золотую Орду и привели к её поражению. Именно Русь ценой героической жертвы и ратного подвига избавляет народы Старого Света, как католиков-западноевропейцев (формирующийся цивилизационный Запад), так и народы Юга и Востока, проживающие на территории современного Кавказа, Средней Азии, Ближнего и Дальнего Востока, от цивилизационного и физического вырождения и недоразвития. Безапелляционная трагичность истории заключается в том, что Русь не могла не стать буфером между Западом и Востоком в силу географического и геополитического положения. Самопожертвенный выбор Руси, в сущности, был не совсем выбором. Русь субъективно не принимала решения о том, чтобы сначала подвергнуться набегам и разграблению со стороны Орды, а в XIV-XV вв. разгромить её. Великая победа над Ордой не могла не сохраниться на века в цивилизационно-исторической памяти десятков поколений русских людей. В XVI в. возникает доктрина «Москва – третий Рим», формируется русский мессианизм как осознание собственной богоизбранной роли. Столетием позже в США возникает доктрина американской исключительности, выраженная губернатором британских колоний в США Дж. Уинтропом в идеологеме «Города на холме».

Ситуация российского спасения Европы в совершенно иных исторических обстоятельствах повторяется в начале XIX в. На этот раз угроза разрушения Вестфальской системы и суверенитета государств исходит от французского католического Запада и связана с наполеоновским

«перекраиванием» карты Европы на пути к мировому господству. Россия снова оказывается единственной силой, которая, спасая саму себя от завоевания, тем самым, спасает и всю Европу, освобождает многие народы от подавления и угнетения. Именно благодаря России в Европе устанавливается «Венский концерт» как система мирного сосуществования государств. Почти на полвека (а в отдельных аспектах до Первой мировой войны) Россия, путём вынужденного и выстраданного ратного подвига, предоставила европейским странам возможность мирного капиталистического и модернизационного развития.

Нечто похожее, с поправкой на серьёзные исторические изменения, через сто лет снова происходит в европейском социально-политическом пространстве. Во время Первой мировой войны Россия, принимая на себя удары стран Четверного союза, несмотря на колоссальные потери и человеческие жертвы, неоднократно спасала «союзников» от полного поражения и, в конце концов, обеспечила победу Антанты. Конечно, Россия не могла не только «извлечь пользу» из своего жертвенного участия в победоносном англо-французском блоке, но и была поражена в правах в рамках переговорного процесса по формированию послевоенной Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В сущности, после Первой мировой войны можно говорить о существовании некоей исходной версии «холодной войны» против России-СССР, инспирированной, как и почти три десятилетия спустя, союзниками, одержавшими победу во Второй мировой войне. Вторая мировая война стала наиболее ярким и трагическим историческим воплощением цивилизационного сценария, многократно реализованного прежде. Жертвенно-спасительный для Евразии и человечества подвиг советского народа был совершён в ещё более грандиозных исторических масштабах, чем в судьбоносные для Руси и Российской империи времена Орды, наполеоновской Франции и Первой мировой войны.

Сходство цивилизационных сценариев переломных эпох явно сближает Русь XIII-XV вв. и Россию и СССР XIX-XX вв. Во-первых, это главная и решающая, по сравнению со всеми другими вовлечёнными и заинтересованными государствами, роль в разгроме агрессора (союзники появлялись или начинали проявлять хоть какую-то активность только после того, как исход войны был предопределён русскими, а именно в 1813, 1917 и 1944 гг.). Во-вторых, наибольшие (по сравнению со всеми другими вовлечёнными и заинтересованными государствами) жертвы среди военных и гражданского населения, наибольшие разрушения экономики и инфраструктуры (за исключением наполеоновских войн 1800-1815 гг., в

которых потери Франции были очень высоки, но количество жертв среди военного и гражданского населения Российской империи также было огромным). И, в-третьих, наименьшая, по сравнению со всеми другими вовлечёнными и заинтересованными государствами, возможность созидательного социального, политического и экономического использования результатов победы. Повторение схожих исторических сценариев в сознании десятков поколений каждый раз подтверждало российскую способность к спасению Евразии и всего человечества и упрочивало мессианские самопредставления наших сограждан. Их неотъемлемой составной частью выступало критическое отношение к католическому, а потом и к протестантскому Западу (и почти никогда – к Востоку).

Для периода «холодной войны» показателен фрагмент фултонской речи У.Черчилля: «Никто не знает, что Советская Россия и её международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов этой войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии» [6]. Максимально эффективным предотвращением Третьей мировой войны У.Черчиллю представлялось полное уничтожение СССР, за которое он активно агитировал американских союзников.

В 1990-е гг. постсоветская Россия и страны бывшего СССР вынужденно двигались в фарватере США и других западных стран, заимствуя с Запада социально-политические и экономико-модернизационные модели, а Вашингтон «беззастенчиво пользовался ослаблением России...» [3, с. 4].

На рубеже XX-XXI вв. начинается поиск аутентичного, основанного на российской цивилизационной специфике, пути развития и внешнеполитического курса Российской Федерации. Первой официальной реакцией на военную операцию НАТО против Союзной Республики Югославия 24 марта – 10 июня 1999 г. были отмена официального визита в США Председателя Правительства РФ Е.М. Примакова, отдавшего приказ развернуть самолёт над Атлантическим океаном с целью возвращения в Москву, и временное прекращение сотрудничества РФ с НАТО.

Реакция Российской Федерации на возникновение самостоятельного косовского государства в феврале 2008 г. также была резко отрицательной. Ссылаясь на Заключительный акт хельсинской конференции 1975 г., касавшийся IV принципа, гарантировавшего территориальную целостность

государства, Хартию ООН и резолюцию 1244, Россия указывала на противоправность такого решения. Кроме того, она предупреждала о возможном косовском прецеденте, который может спровоцировать другие непризнанные государства добиваться независимости.

В начале XXI в. начинает развиваться новая внешнеполитическая концепция многополярного мира, продвигаемая Е.М.Примаковым. «Противостояние между Западом и Россией затягивается и обостряется, создавая условия для дальнейшего развития новой «холодной войны»... Искреннее удивление мировой общественности вызвало выступление Президента США Б.Обамы, в котором он включил Россию в число главных угроз человечеству наряду с ИГИЛ и лихорадкой Эбола» [4, с. 4].

Значимым событием, обусловившим изменение современной геополитической ситуации и новую расстановку сил в мире, стали события начала 2014 г. на Украине и в Крыму. Образованный на российской цивилизационной специфике государственно-патриотический консенсус как единство идеологических ценностей большей части народа окончательно сформировался весной 2014 г. на основе внешних угроз, катализированных украинским конфликтом, и противостояния с Западом, всенародной самоидентификации и активизации национальной идеи «снова ощутить величие» [5, с. 208-213]. Происходит дальнейшее усиление действий России по защите своего суверенитета и проведению самостоятельной внешней политики в противостоянии с цивилизационным Западом.

Углубление цивилизационного противостояния Запада и России также наблюдается на Ближнем Востоке в ходе военной акции России в Сирии: использование военной силы вдали от собственных границ впервые за более чем 40 лет. В Сирии Россия «осмелилась» воспрепятствовать осуществляемой США смене режима в очередной ближневосточной стране. В результате удалось не допустить повторения ливийского сценария, предполагавшего оружейное эмбарго с последующим применением главы VII Устава ООН и вооруженной операции «для защиты прав человека». Официальная позиция РФ была сформулирована следующим образом: «Российская Федерация заняла жёсткую позицию в СБ ООН и не позволила проголосовать за резолюцию, предусматривающую военную интервенцию в САР. Независимая внешняя политика России на Ближнем Востоке заставила сделать вывод американского политика, экс-советника по национальной безопасности и госсекретаря США Г.Киссинджера о том, что США утратили ведущую роль на Ближнем Востоке, чему немало способствовала внешнеполитическая активность России» [1, с. 23]. В условиях, когда силовой сценарий был близок к реализации, именно благодаря инициативе

России по созданию широкого фронта для борьбы с ИГИЛ на территории Сирии и Ирака удалось вернуть ситуацию вокруг Сирии в правовое поле. Действия России на Ближнем Востоке бросают вызов американской гегемонии в этом регионе и на мировой арене в целом.

Новый виток напряжённости в отношениях Запада и России начался после прихода к власти администрации Д.Трампа. В июле 2017 г. подавляющее большинство Конгресса, включая республиканцев, приняло новые, более жёсткие санкции против России, причём в форме закона – так, чтобы президент в будущем не смог отменить их без разрешения Капитолия (по печальной аналогии с пресловутой «Поправкой Джексона-Вэника»). Таким образом, из-под власти президента была выведена важная сфера внешней политики, традиционно считавшаяся его прерогативой. Президент выразил несогласие с решением Конгресса о санкциях, но тем не менее подписал соответствующий акт [2, с. 9]. В дальнейшем последовали обвинения в «сговоре» администрации Д.Трампа «с русскими», во вмешательстве России в американские выборы 2016 г., в том, что Россия ведёт себя «неподобающим образом» с соседями и способствовала «крушению» системы прежнего комфортного существования Запада (по-видимому, имеется в виду «крушение» продолжающих частично сохраняться последствий американского однополярного мира 1990-х гг.). В выступлениях американских политиков в средствах массовой информации была развёрнута новая антироссийская «истерия». В современных условиях эта кампания выглядит как видоизменённый вариант западно-российского противостояния, который многие политики и аналитики склонны считать «новой версией» «холодной войны». «Истерия» иллюзорных представлений и необоснованных обвинений, санкции, всё более разрастающиеся по масштабам и охвату, беспрецедентный арест российской дипломатической недвижимости в США, высылка дипломатов и другие недружественные и откровенно враждебные акции уже стали определяющими для внешней политики администрации Президента США Д.Трампа.

Таким образом, главной тенденцией современных международных отношений стало реконфигурирование и новое распределение глобальной власти. Особенностью современной эпохи является исчезновение прежнего абсолютного лидерства США и стран Западной Европы, так называемого «коллективного», а в сущности, цивилизационного Запада в современных международных отношениях. Парадигматические изменения в расстановке политических сил в различных регионах и на мировой арене в целом, тенденции формирования полицентричного мира создают множество вариантов дальнейшего противостояния Запада и России и предоставляют

новые возможности для их международно-политического анализа и урегулирования.

**Список источников и литературы:**

1. Анненкова Е.А., Конорева И.А. Сирийский кризис начала XXI века в российско-американских отношениях // Молодые лидеры – 2016. Материалы I Международного конкурса выпускных квалификационных и курсовых работ / Науч. ред. А.В. Гумеров. Казань, 2016, т. 2.

2. Бубнова Н.И. Структурные и кадровые сложности формирования внешнеполитического курса администрации Д.Трампа // Пути к миру и безопасности, 2017, № 2 (53).

3. Гринберг Р.С., Шмелев Б.А. Внешняя политика Российской Федерации: некоторые итоги // Мир перемен, 2007, № 4.

4. Кошкин Р.П. Современная геополитическая ситуация и национальная безопасность России // Стратегические приоритеты, 2015, № 1 (5).

5. Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019.

6. Daily Mail: Черчилль хотел убедить США нанести ядерный удар по СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20141109/1032386748.html>

**Борисов Алексей Владимирович**

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации  
E-mail: [aborisof@gmail.com](mailto:aborisof@gmail.com)

**Alexey V. Borisov**

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: [aborisof@gmail.com](mailto:aborisof@gmail.com)

## **НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА**

### **NATIONAL IDENTITY IN GLOBAL WORLD**

**Аннотация:** Россия и глобальный мир – актуальная тема научных и околонучных дискуссий. То, что Россия – часть глобального мира, постулируется часто и, как правило, не оспаривается. Дискутируется лишь вопрос о месте России в глобальном мире, о том месте, которое занимает Россия и которое должно принадлежать ей по праву.

**Ключевые слова:** Россия, национальная идентичность, нация, глобализация, государство, политические институты.

**Abstract:** Russia and global world is a hot topic of scientific and pseudo-scientific discussions. The fact that Russia is a part of the global world is postulated most often and, as a rule, is not disputed. Only the question of Russia's place in the global world, the place that Russia occupies and the place that should rightfully belong to it is discussed.

**Keywords:** Russia, national identity, nation, globalization, state, political institutions.

Представим исходный тезис в виде вопроса: является ли Россия частью не глобального мира, а глобального сообщества? Ответ на этот вопрос неоднозначен и, выбирая его из множества вариантов, необходимо соблюсти изрядную долю критичности во взгляде на потенции своей страны, придав забвению ее прошлое, каким бы славным это прошлое не казалось –

глобальное сообщество не имеет памяти. Неоднозначность ответа усугубляется его проблематичностью, которая обусловлена множеством «если» и «но».

Рассмотрим одно из множества «если», а именно, если мы захотим стать частью «глобального сообщества» и нас согласится в него принять, то кто войдет в распахнутую дверь. Вопрос не праздный. Вопрос «кто?» - это вопрос идентичности, вопрос точки отсчета, вопрос выбора пути. Ответ на него находит выражение в постулируемых целях развития, в принятых и разделяемых всеми ценностных ориентирах, регулирующих достижение этих целей, в оценке пройденного пути.

Можно констатировать с достаточной долей уверенности, что поиском ответа на этот вопрос в России занимались и занимаются по сей день. Иногда поиск приобретал анекдотические формы, как, например, объявление «Российской газетой» конкурса на объединяющую идею для России в 1996 г., а иногда поиск становился предметом серьезной научной и политической дискуссии на статусных площадках. Но ответ всегда давался волюнтаристски и менялся в зависимости от административной и политической конъюнктуры. Решая проблемы глобальные и не всегда национально ориентированные, руководствуясь некими отвлеченными, зачастую сакральными понятиями, ищущие не понимали, что подобная идентичность всегда вступала бы в противоречие с внутривнутриполитическими реалиями. Идея, сформулированная и навязанная подобным образом, свидетельствовала бы лишь о том, что нации нет.

Нация – сообщество граждан, а не сообщество подданных. Из-за непонимания этого отличия возникают все идеологические построения, которые вызваны к жизни не необходимостью определить цель развития страны и пути её достижения, не желанием определить и ограничить общий интерес, не стремлением выработать критерии оценки пройденного пути, а лишь попыткой оправдать насилие государства по отношению к обществу, легитимировать его исключительное право на определение вектора развития, повысить эффективность усилий государства по мобилизации общества на достижение целей, в выдвижении которых оно участие не принимало.

Заявление «главного идеолога» страны середины первого десятилетия 2000-х гг. В.Суркова в преддверии избирательного цикла 2007-2008 гг. о том, что Единой России необходимо доминировать «в ближайшие десять-пятнадцать лет для того, чтобы некие силы не сбили Россию с того пути, по которому ей предназначено идти сегодня» [7] - лишь подтверждение монополии политического класса на истину. Ситуация не изменилась: в 2018 г., выступая на заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта»,

телеведущий В. Соловьев утверждает: «С одной стороны, люди требуют от нас, чтобы мы сформулировали идею, сформулировали, чем Россия иная. И мы говорим о чувстве справедливости. Но дальше народ возвращается в каждодневную жизнь - и видит ли он эту справедливость? Необходимо, чтобы народ верил в то, что он живёт в самой справедливой, пусть и не самой благоустроенной стране, которая защищена и которая находится на стороне добра, правды, а мы эту правду не формулируем» [2]. Мы – это политическая и административная элита. Источник, инициатор идеологических построений в России - государство. Оно самодостаточно и самодовольно.

В 1991 г. ушел в прошлое СССР. Абстрагируясь от оценки этого факта, отметим, что вместе со страной ушла в прошлое с трудом достигнутая идеологическая идентичность. Та идентичность, которая обеспечивала единство страны, раздираемой противоречиями. Теми противоречиями, которые родились не в 1917 г. и не в 1991 г. (причины этих событий следует, вероятно, искать в специфичности российской истории), но суть которых - в азиатском самодурстве самодержцев, в культурной и правовой неинтегрированности страны.

Отвергая идеологическую идентичность (волюнтаристски, без оглядки на желание кого бы то ни было), государство ничего не предложило взамен. Возможность была? Несомненно. Но это требовало выполнения ряда условий. А, главное, это требовало самоограничения государства, самоограничения посредством закона, как предпосылки устройства страны на основе права. Это первый шаг восхождения к нации. Этого шага сделано не было. Народ подлежал реформированию вне зависимости от его воли. «Советский человек» ушел в прошлое. Российский гражданин не пришел ему на смену.

Таким образом, на повестке дня появляется волюнтаризм власти, порожденный не желанием поскорее достигнуть цели, а отсутствием таковой. Программы реформирования, обустройства страны не было. Метания власти во многом обусловлены и тем, что диалога между властью и обществом не состоялось, как следствие – власть не обрела внутрисистемного источника информации, соизмеряясь с которым, она могла бы корректировать свои усилия, определяя направления действий. Источник информации необходим. Дискурсивная природа власти предполагает его наличие. Масса не участвует в диалоге. Ведомый народ не понимает своего счастья, а потому не может судить о делах «просвещенной элиты». Но в этом случае оппонент, собеседник будет вовне. Таким образом появляются программы действий, рассчитанные на признание глобального сообщества, но негативно воспринимаемые как обществом, так и элитными слоями. Вехи, отмечающие

пройденный путь, указатели, показывающие, куда и с какой скоростью идти, выставляются не российским обществом: их выставляет сообщество мировое, незаинтересованное в стабилизации и последующем усилении государства-нации. Точка отсчета навязана, цель определена, увы, не нами. Кем мы были? Кто мы? Ответ на этот вопрос ищут. Опять не мы?

Ответы на вопрос «Кто мы?» найдены в истории страны - это «третий Рим» и «православие, самодержавие, народность». Авторы этих ответов - старец Спасо-Елизарова монастыря Филофей и министр народного просвещения С.С. Уваров. Тезисы мессианские, стимулирующие надрыв страны в погоне за неактуальным ныне статусом «сверхдержавы», тезисы, консервирующие патриархальность, утверждающие сакральность власти, её первичность по отношению к обществу. В истории политико-философской мысли России можно обнаружить иные варианты ответа, но отличаются они лишь периодом истории, который избирается в качестве эталонного. Хаос идентичностей, конфликтующих, противостоящих друг другу кажется непреодолимым. Но порождает его настойчивое обращение к прошлому в современных условиях.

Попытка примирить современные политические институты и отечественную традицию превращается либо в реформу традиции, либо в попытки институционального конструирования. Итог – покореженная традиция и декоративный институциональный дизайн. Более того, все это не работает в отсутствии граждан, во взаимодействии которых между собой и государством возникает нация, которую Ренан определял как «повседневный плебисцит» [6]. Но заинтересованы ли те, кто образует политическую элиту, в гражданском взрослении народа?

Опыт последних лет указывает, что вряд ли. Государство выдвигает в качестве цели для себя и для всей системы воспитания и образования, находящейся под патронажем государства, воспитание патриотизма, понимая под этим «систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины» [4]. Но подобный подход подчеркивает субъектность государства и определяет граждан как объект, пассивно воспринимающий воздействия государства.

Именно это ставит под вопрос не только гражданское участие, но и возможность формирования патриотизма, который не так давно был провозглашен единственной объединяющей идеей [5]. Аристотель, критикуя идеи Сократа и Платона об идеальном государстве, утверждает, что именно

участие граждан лежит в основе патриотизма: «А не принимающие участие в управлении государством могут ли дружелюбно относиться к государственному строю?» [1]. Схожее с Аристотелевским, но уже определение гражданина дает Р.Даль: «Адекватный гражданин - это тот, кто обладает минимально достаточным объемом знаний о том, что соответствует его собственным интересам и о том, какой политический выбор позволяет ему обеспечить эти интересы лучше других; условимся также, что у граждан есть достаточно сильные побудительные причины действовать в соответствии с этими интересами» [3]. В отечественной же традиции участие заменено служением, а личный интерес, лежащий в основе участия, - самоотвержением.

Вышеизложенное - во многом результат деполитизации общества. Деполитизация, и это не отечественная специфика, практически всегда есть результат уверенности модернизаторов в эксклюзивном обладании истиной, нежелании и неумении слушать оппонентов, в трактовке общества и режима как некоего завершенного, четко очерченного состояния. Но вся беда в том, что потребность в катализации политического участия народа, который протестует, что-то требует и просит, побуждает власть к постоянной перенастройке институциональной среды. Но ограничивая участие, вводя его в приемлемое для себя русло, власть ограничивает и себя. Реформы избирательной системы, политических партий, региональных властных институтов и институтов местного самоуправления – всего лишь попытки выйти за пределы ограничений, накладываемых политикой. В политике не заинтересован никто. Отсюда протест, зачастую принимающий неконвенциональные формы, просьбы или увещание власти, директивное целеполагание. Но политики нет.

Навязав цель, определив способы ее достижения, ограничив оппонентов, государство дискредитирует политику, подменяя ее администрированием либо технологическим симулякром. Упускается из виду лишь то, что политика - чувство сопричастности и ответственности каждого. Отказ же от политики, вынужденный или добровольный, – заявление и подтверждение права на безответственность, более того, на иждивенчество.

Говоря об ответственности, подчеркнем, что ответственность не синоним обязанности, но ощущение себя членом общества, имеющего свой взгляд на перспективы его развития, отстаивающего свое видение перспективы, легально оппонирова сообщественникам и властям, понимающего и принимающего иные точки зрения и влияющего на власть, исходя из своих убеждений. Оппонирование власти и большинству - не

единственный признак гражданина, но он один из основных. Расширяя поле личной автономии, человек вступает во взаимодействие с государством, устраняя препоны групповых лояльностей, порождающих ненациональные идентичности и стоящих на пути осознания этим человеком себя в качестве гражданина.

Повторюсь: свободные и ответственные граждане, устанавливающие диалог с государством, – вот что есть нация. Отсутствие диалога подразумевает в худшем случае подданных, в лучшем – население. И в том, и в другом случае целостность государства поставлена под вопрос. Подданный ищет защиты от государства у тех, кто успешно коммуницирует с последним, и подобная защита предоставляется (примеров в отечественной истории множество), но лишь в обмен на лояльность. Выстраивается порочная цепь: клиент – патрон – государство, где функции гражданина реализует лишь патрон, предоставляя клиенту утешаться постулированием групповой принадлежности, сохранением групповой лояльности, узурпируя прерогативы государства, присваивая львиную долю его суверенитета. Разорвать порочную цепь невозможно вне участия государства, которое, расширяя и поощряя возможности политической вовлеченности, должно отказаться от заданности результата в определении интересов нации и способов их реализации. Интересы и способы их реализации – результат диалога, участие в выборе направления и скорости перемен – обретение национальной идентичности.

Сегодня происходит постепенное осознание того, что лишь национальная идентичность способствует преодолению социального, этнического и конфессионального многообразия страны, консолидации власти и общества. Именно так Россия сможет интегрироваться в мировое сообщество, а не просачиваться в него по частям. Национальная идентичность позволит соотносить скорость и степень интеграции с национальными интересами, ограничивая произвольность действий власти, соотнося действия государства с благом народа, которое определяют граждане.

### **Список литературы**

1. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. С. 376-644. Режим доступа: <http://grachev62.narod.ru/aristotel/arpol2.html>. Дата обращения: 19.10.2018.
2. Владимир Соловьёв: «Идёт сражение за души» Еженедельник "Аргументы и Факты" № 14 04/04/2018. Режим доступа:

[www.aif.ru/politics/opinion/vladimir\\_solovyov\\_idyot\\_srazhenie\\_za\\_dushi](http://www.aif.ru/politics/opinion/vladimir_solovyov_idyot_srazhenie_za_dushi). Дата обращения: 19.10.2018.

3. Даль Р. А. Проблемы гражданской компетентности. Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/teoria/dahl.php>. Дата обращения: 19.10.2018

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. №1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы».

5. Путин: «Патриотизм – это и есть национальная идея». Сайт Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2636647>. Дата обращения: 19.10.2018.

6. Ренан Э. Что такое нация. Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года. Режим доступа: [http://hrono.ru/statii/2006/renan\\_naci.php](http://hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php)-. Дата обращения: 19.10.2018.

7. «Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности». Стенограмма выступления заместителя руководителя Администрации Президента - помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 г. Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2006/03/09/246302.html>. Дата обращения: 18.10.2018.

## ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Аникин Владимир Иванович**

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,  
Главный научный сотрудник Дипломатической академии Министерства  
иностраннных дел Российской Федерации  
E-mail: *v.anikin2012@yandex.ru*

**Vladimir I. Anikin**

Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian  
Federation, Chief Researcher of the Diplomatic Academy of the Ministry of  
Foreign Affairs of Russia  
E-mail: *v.anikin2012@yandex.ru*

## МИРОВЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

### WORLD ENERGY ISSUES AND RUSSIA'S FOREIGN POLICY

**Аннотация:** Энергетика является одной из важнейших составляющих экономического и политического могущества государства в современном мире, а энергетический фактор играет в международных отношениях ключевую роль, сравнимую с военно-политическим. В большинстве стран мира от состояния топливно-энергетического комплекса (ТЭК) зависит национальная безопасность в политическом, экономическом и социальном аспектах, что объясняет особое отношение правительств многих стран к обеспечению глобальной энергетической безопасности.

**Ключевые слова:** Россия, ССАГПЗ, ОПЕК, ТЭК, страны Персидского залива, ООН.

**Abstract:** Energy is one of the most important components of the economic and political power of the state in the modern world, and the energy factor plays a key role in international relations, comparable to the military-political one. In most countries of the world, national security in the political, economic and social aspects depends on the state of the fuel and energy complex (FEC), thereby determining the special attitude of many governments to ensuring global energy security.

**Keywords:** Russia, GCC, OPEC, fuel and energy complex, countries of the Persian Gulf, UN.

Глобализация энергетических отношений обусловила необходимость возникновения целого ряда международных организаций в этой сфере. Учитывая то, что энергетика является одной из ключевых отраслей мировой экономики и оказывает существенное влияние на другие ее отрасли, деятельность большинства международных экономических организаций прямо или опосредованно влияет на международные энергетические отношения и соответствующие правовые нормы. Примером непосредственного влияния на развитие международных энергетических отношений и международного энергетического права являются ОПЕК и Конференция по Энергетической хартии.

Ключевой международной организацией как по представительству государств, разветвленности структуры, так и по влиятельности является ООН. Особенно необходимо отметить ее роль в становлении правовой регуляции международных энергетических отношений. Самой яркой попыткой создания правил в сфере международных экономических и, в частности, энергетических отношений стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюций, направленных на установление нового международного экономического порядка, таких как Резолюция 1803 (XVII) «О постоянном суверенитете над природными ресурсами», Резолюция 3201 (S-VI) «Декларация об установлении нового международного экономического порядка» и Резолюция 3281 (XXIX) «Хартия экономических прав и обязанностей государств».

В процессе развития структуры ООН так и не был создан отдельный орган для регулирования деятельности в сфере энергетики. В данное время международные организации в системе ООН осуществляют влияние на международное энергетическое право через деятельность в сферах международной торговли и инвестиций, охраны окружающей среды.

Долгосрочная политика естественным образом включает в себя содействие энергосбережению и повышению энергоэффективности, а также развитие таких альтернативных по отношению к нефти источников энергии, как уголь, природный газ, ядерная энергия, гидроэлектроэнергия и возобновляемые источники энергии.

Необходимо отметить, что в настоящее время можно выделить следующие основные направления интеграционного сотрудничества в сфере энергетики:

1. Либерализация энергетических рынков;

2. Разноуровневая, разноформатная и разноскоростная интеграция;
3. Увеличение роли государства в процессе интеграции;
4. Обеспечение энергетической безопасности;
5. Гармонизация законодательств государств-участников интеграционных объединений;
6. Создание наднациональных структур.

Либерализация энергетических рынков включает в себя процесс создания общих рынков газа, нефтепродуктов, электроэнергии. Это стало возможным вследствие масштабных реформ в энергетическом секторе, в рамках интеграционных объединений и формирования общих энергетических рынков, включая Европейский Союз (ЕС), Организацию стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ).

Эффективная энергетическая дипломатия может укрепить позиции России на мировой арене в силу ряда факторов. Во-первых, российская политика в энергетике тесно переплетается с внешней политикой в целом. Положение России на мировой арене и ее национальная мощь зависят от экспорта и транзита углеводородов, которые превращаются в системообразующий фактор, стратегически реализуемое направление - «энергетическая дипломатия». Во-вторых, России под влиянием внешних факторов приходится более точно расставлять акценты в своей внешней энергетической политике, участвуя в деятельности международных организаций с применением традиционной «трубопроводной» дипломатии как инструмента для сохранения и расширения влияния на Евразийском политическом пространстве. В-третьих, Россия – мировая держава, обладающая огромными запасами природного газа и являющаяся одним из основных производителей нефти, способствующих росту политического и экономического влияния России [1,2].

По состоянию на 1 января 2018 г. чуть меньше 80% всех доказанных запасов нефти приходится только на восемь стран. Из них шесть стран входят в состав ОПЕК, и лишь только две (Канада и Россия) не являются членами ОПЕК. Мировым лидером по доказанным запасам является Венесуэла (по большей части за счет тяжелой/битуминозной нефти). Если же брать в расчет только легкую традиционную нефть, то несомненным лидером будут страны Ближнего Востока. В совокупности на них приходится 47,6% доказанных запасов нефти. По данным источника,

общемировые доказанные запасы нефти (по состоянию на 01.01.2018 г.) составляют 1696,8 млрд. баррелей<sup>1</sup>.

Мировые запасы нефти по странам (на 01.01.2018), млрд. барр.:

Страна	Запасы нефти	% от мировых запасов
Венесуэла*	303,2	17,9
Саудовская Аравия	266,2	15,7
Канада**	168,9	10,0
Иран	157,2	9,3
Ирак	148,8	8,8
Россия	106,2	6,3
Кувейт	101,5	6,0
ОАЭ	97,8	5,8
США	50,0	2,9
Ливия	48,4	2,9
Нигерия	37,5	2,2
Казахстан	30,0	1,8

<sup>1</sup>НЕФТЬ, ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД // Электронный ресурс. <http://vseonefti.ru/neft/global-oil-2018.html> (дата обращения -01.03.2019)

Китай	25,7	1,5
Катар	25,2	1,5
Бразилия	12,8	0,8
Все остальные	117,4	7,0

\* в том числе 224,0 млрд. барр. тяжелой нефти пояса реки Ориноко.

\*\* в том числе 163,4 млрд. барр. нефти канадских нефтяных песков

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2018

Для России же природный газ и нефть выступают в качестве главного инструмента геополитики, использование которого прослеживается на основном направлении экспорта России - *европейском*. Следует отметить, что в настоящее время «сланцевая революция»<sup>2</sup> привела к взрывному росту добычи нефти в США, темпы роста нефтедобычи в которых бьют все мыслимые рекорды в последние годы. Уровень добычи в этой стране по результатам 2017 г. превысил уровень добычи у традиционных лидеров - Саудовской Аравии и России, которые были вынуждены сокращать количество добываемой нефти в рамках соглашения ОПЕК+<sup>3</sup>.

**Добыча нефти крупнейшими нефтедобывающими странами, млн.тонн:**

Страна	2015	2016	2017	% от мировой добычи
<b>США</b>	565,3	543,1	571,0	13,0%
<b>Саудовская Аравия</b>	567,9	586,6	561,7	12,8%

<sup>2</sup> Человек, который совершил сланцевую революцию // <http://vseonefti.ru/career/slanchevaya-revoluciya.html>

<sup>3</sup> Смена парадигмы в регулировании рынка нефти и формировании цен на нефть // <http://vseonefti.ru/upstream/opes-ne-opes-i-slancevaja-dobycha.html>

<b>Россия</b>	541,9	555,9	554,4	12,6%
<b>Канада</b>	215,6	218,6	236,3	5,4%
<b>Иран</b>	180,5	216,8	234,2	5,3%
<b>Ирак</b>	195,6	217,6	221,5	5,0%
<b>Китай</b>	214,6	199,7	191,5	4,4%
<b>ОАЭ</b>	175,0	181,6	176,3	4,0%
<b>Кувейт</b>	148,1	152,6	146,0	3,3%
<b>Венесуэла</b>	135,4	123,1	108,3	2,5%

Источник: BP Statistical Review of World Energy 2018 (вышеприведенные данные по добыче включают сырую нефть, в том числе сланцевую нефть, тяжелую нефть нефтяных песков и газоконденсат, и не включают топливо, получаемое из биомассы и угля).

В-четвертых, государственное регулирование энергетики в Российской Федерации связано со стратегическим значением топливно-энергетического комплекса для национального и оборонного потенциала страны [3,4].

В России выработка концептуальных основ энергетической политики ведется с начала 2000-х гг. 13 ноября 2009 г. распоряжением Правительства была принята Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., которая была разработана с учетом новых задач внешней политики России и увеличения ее роли в мировой торговле энергоносителями. Тем не менее, 29 ноября 2018 г. на заседании Совета Безопасности РФ под председательством Президента России В.В.Путина была рассмотрена и одобрена новая Доктрина энергетической безопасности России.

Ранее принятые Энергетическая стратегия РФ до 2030 г. и Генеральная схема размещения объектов электроэнергетики до 2035 г., утвержденная Правительством (Распоряжение от 9 июня 2017 г. № 1209 – р),

не могли в полной мере заменить правомочную систему показателей и направлений Доктрины энергетической безопасности РФ. Глава государства подчеркнул, что для России энергетика имеет *стратегическое* значение.

«Уникальные запасы всех ключевых источников энергии дают нам сегодня возможность полностью закрыть внутренние потребности в энергоресурсах, а внушительный экспорт – в том числе в страны Евросоюза, Азиатско-Тихоокеанского региона, СНГ – приносит России не только ощутимые доходы, но и позволяет оставаться одним из главных гарантов мировой энергетической безопасности», - отметил Владимир Путин. При этом, по словам Президента России, негативное воздействие на долгосрочное развитие ТЭКа оказывают попытки недобросовестной конкуренции на рынках. По итогам мероприятия министр А. Новак добавил, что в обновленной Доктрине энергобезопасности РФ отмечается необходимость усиления импортозамещения в критичных для промышленности страны областях, но в то же время это не означает отказ от рыночных подходов в этой сфере.

«Для решения задач доктрины, которая была сегодня утверждена, выработан перечень мер и мероприятий, направленных на защиту российских интересов с точки зрения энергетической безопасности, и одно из направлений - это усиление работы в части импортозамещения и тех критичных технологий, которые на сегодня определены, чтобы наша промышленность в полном объеме перешла на их производство", - сказал министр. По его словам, в обновленной доктрине также отражено снижение доли углеводородов в энергобалансе, развитие возобновляемых источников энергии, развитие газовой промышленности, большее потребление СПГ на рынке. С учетом одобрения новой Доктрины энергобезопасности России было дано поручение внести изменения в проект Энергетической стратегии России и другие стратегические документы. Кроме этого, Президент отметил, что ТЭК требует обеспечения высочайшего уровня безопасности, мобилизации и постоянной собранности всех ответственных служб, особенно в осенне-зимний период.

Основной тезис новой Доктрины, на наш взгляд, выражен в следующих положениях и задачах документа: «Россия, являясь одной из ведущих энергетических держав мира, обеспечивает свою геополитическую роль как гарантированными поставками необходимых объемов энергоресурсов на мировой рынок и их надежным транзитом от мест добычи к основным центрам потребления по своей территории и территории соседних стран, так

и активной организационной и дипломатической деятельностью по обеспечению глобальной энергетической безопасности (ГЭБ)».

Выполненный обзор научных и статистических материалов о роли и значении международных объединений в сфере энергетики и внешней политики позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Развитие энергетических отношений между государствами в течение прошлого столетия и начала XXI в. обусловило необходимость возникновения и совершенствования деятельности целого ряда международных организаций, Центров, функционирующих на глобальном, региональном и корпоративном уровнях [6,7].

Управление данными структурами, построенное на основе координационной модели взаимодействия, не позволяет создать условия для эффективной деятельности в целом по обеспечению международной энергетической безопасности различных государств и регионов в связи с разнонаправленными целями безопасности и национальными интересами,

Международные организации, выступая разработчиками проектов международных соглашений, стандартов, правил поведения, вовлекая в это квалифицированных представителей правительств, независимых экспертов, представителей разных групп интересов, оказывают определенное позитивное влияние на направленность международно-правовой регуляции имеющихся процессов. Но при этом наблюдается сомнительная тенденция к приобретению такими организациями (например, Третий энергетический пакет Европы) все большей правосубъектности с точки зрения международного права, которое обуславливает возрастание их субъективной роли в международных энергетических отношениях.

Тем не менее, следует признать, что деятельность международных организаций нередко оказывается эффективнее деятельности отдельных государств или других субъектов, что объясняется большей оперативностью принятия решений, возможностью регуляции через них достаточно большого круга международных экономических отношений и рядом других факторов.

Интеграционные процессы, происходящие в энергетической сфере, являются характерной чертой современного этапа развития мировой экономики и свидетельствует о тенденции к глобализации энергетических рынков и созданию экономических анклавов, содействующих динамическому развитию стран.

В настоящее время мир сталкивается с серьёзными вызовами в топливно-энергетическом секторе. Глобальная экономика может

осуществить четырехкратный рост потребления энергетических ресурсов за период до 2050 года, а некоторые развивающиеся страны, такие как Китай, Индия – даже десятикратный. С одной стороны, это даст экономические выгоды и значительное повышение уровня жизни людей, но закономерно приведет к стремительному росту использования энергоресурсов.

Углеродоёмкость мировой экономики возрастет, так как электроэнергетика всё больше будет ориентироваться на использование угля, особенно в развивающихся странах, которые потребляют его в больших объёмах. Скажется также увеличение использования угля для сырья при производстве жидкого топлива. При нынешнем потреблении энергоресурсов наиболее оптимистические оценки в базовом сценарии МЭА (сценарий Business-as-usual или BAU) прогнозируют рост спроса на нефть (70%) и увеличение выбросов CO<sub>2</sub> на 130% к 2050 г. Согласно заключению Межправительственной группы по вопросам изменения климата (IPCC), увеличение выбросов двуокси углерода CO<sub>2</sub> до такого уровня может спровоцировать повышение глобальных средних температур на 6°C. Это может привести к значительным нарушениям условий жизни людей, а также к необратимым изменениям окружающей среды.

Региональная интеграция стала более открытой для новых участников. В последние годы происходит укрупнение региональных союзов, за счет чего интеграция развивается вширь. Вместе с тем на современном этапе интеграция предоставляет большие возможности для объединения стран с разными уровнями развития экономик. Менее развитые страны вовлекаются в интеграционные блоки высокоразвитых государств. Важной особенностью нового этапа региональной интеграции является возможность стран определить степень интеграции в объединение и способы его реализации. Например, интеграционная группировка АСЕАН долгие годы ограничивалась системой отношений, характерной для начальной стадии интеграции - зоны свободной торговли. Впервые за 40 лет существования только в 2007 г. организацией была подписана «Себуанская декларация о Восточноазиатской энергетической безопасности», регулирующая отношения в энергетической сфере. Свобода выбора степени интеграции характерна для большинства современных интеграционных объединений. Это обусловлено тем, что в настоящее время во всех интеграционных объединениях наблюдается участие стран, имеющих разный уровень экономического развития, что предполагает разноскоростную, разноуровневую и разноформатную интеграцию, характерную, в частности, для стран ЕврАзЭС. Разноскоростная интеграция означает, что каждое государство-участник интеграционного объединения самостоятельно

определяет, в каких направлениях и в каких интеграционных мероприятиях оно принимает участие и в каком объеме.

Модель разноскоростной интеграции была принята в рамках ЕврАзЭС. Она предполагала первоначальное формирование к 2012 г. Единого экономического пространства (ЕЭП), а к 2015 г. включение в ЕЭП других государств, входящих в ЕврАзЭС и СНГ.

Принцип модели разноформатной интеграции предполагает одновременное участие государств более чем в одном региональном интеграционном объединении. Данная модель интеграции характерна для многих стран, поскольку в каждом союзе существуют свои привилегии и недостатки. В качестве примера можно привести условия вступления России во Всемирную торговую организацию (далее - ВТО) в сфере энергетики. В Соглашении о присоединении России к ВТО сказано, что присоединение к этой организации не лишит Россию права регулировать тарифы на газ и другие энергоносители для населения, а также определять условия на рынке услуг.

Данный формат сотрудничества устраивает Россию гораздо больше, чем условия присоединения к Третьему энергопакету Европейского союза, так как взаимоотношения «Газпрома» с российскими потребителями будут, как и раньше, определяться некоммерческими соображениями.

Специальных обязательств об отмене экспортных пошлин на трубопроводный газ в соглашении о присоединении к ВТО не содержится. Разноформатная модель также способствует диверсификации поставок энергетических ресурсов страны на рынки других государств.

Исследователи отмечают возросшую возможность использования энергоресурсов в качестве орудия политического давления, что приводит к росту международной конфликтности [5,8,9]. Как следствие, одной из общемировых тенденций становится повышение уровня участия государства в энергетических отношениях стран, а также увеличение влияния международных организаций в сфере энергетики как фактор, способствующий стабилизации энергетических отношений стран.

Если энергобезопасность, по версии экспертов МЭА, фокусируется главным образом на безопасности только поставок и транзита надлежащего качества по экономически обоснованной цене, то, в отличие от импортоориентированной формулировки МЭА, РФ может включать в понятие энергобезопасности также понятие безопасности спроса, что, в свою очередь, связано с различием между интересами, которые представляет организация как независимая структура ОЭСР, и интересами РФ как страны-экспортера энергоресурсов.

Для сравнения, формулировка энергобезопасности ОПЕК в большей степени соответствует российской и, в частности, российским интересам.

РФ относится к крупным добытчикам и поставщикам энергоресурсов на мировой арене. Удельный вес экспорта энергоресурсов в общем объеме поступлений в бюджет РФ последние 10 лет колеблется на уровне 40 - 50%. При этом, например, 66% российского экспорта газа в 2016 г. пришлось на Европу, что составило 31% импорта газа в ЕС, и данный тренд сохраняет положительную динамику. В отношении нефти эти показатели слабо отличаются. Так, по данным за тот же период они составили 65% и 35% соответственно. Поэтому важность стабильных поставок в Европу, прежде всего для национальной безопасности РФ, сомнений не вызывает.

ФРГ, представляя собой одну из мощнейших экономик мира, очень сильно зависима от импорта энергоресурсов и традиционно является одним из крупнейших потребителей российского газа [10]. В настоящее время российский экспорт обеспечивает до 40% германских потребностей в этом топливе. Доля ФРГ в поставках «Газпрома» — примерно 23%. В свете успешной прокладки труб для проекта «СП-2», доля ФРГ в российском экспорте может еще больше вырасти.

Конкуренция между СПГ и трубопроводным газом возрастет, а увеличивающееся предложение из США и Австралии будет оказывать давление на цены Газпрома и подталкивать страны к пересмотру контрактов, если цена будет сильно отличаться. Темпы роста добычи газа в РФ могут быть сбалансированы мировым спросом, но убыток от прихода на рынок новых игроков может быть не компенсирован в денежном эквиваленте в полной мере, в то время как в долгосрочной перспективе ситуация может начать ухудшаться. Для купирования данной угрозы эксперты ИМЭМО РАН предлагают Газпрому занимать проактивную позицию и самому предлагать новые рыночные механизмы ценообразования. Тем временем Газпром, к примеру, за 2009-2015 гг. уже 65 раз пересмотрел контракты с европейскими компаниями в связи с обвинениями в монополизме.

Развитие идеи первостепенной важности цены на энергоресурсы в парадигме стран-импортеров ставит вопросы о том, является ли текущая цена на энергоносители вызовом для РФ как экспортера и нужно ли ей предпринимать активные внешнеполитические действия для изменения цены.

С одной стороны, активное взаимодействие в рамках соглашения ОПЕК+ доказало свою эффективность в деле противодействия чрезмерному сокращению цен на ресурсы, ставящего под угрозу поступления в бюджет отдельных стран. Соглашение охотно поддержано внутри и вне организации,

а его выполнение по итогам 2017 г. на 107%, что во многом переломило тренд падения цен на нефть и обратило его вспять (цена поднялась на 30% за год). С другой стороны, на СПГ не распространяются квоты ОПЕК, и, соответственно, результаты соглашения ОПЕК+, может быть нивелировано поставками СПГ, причем необязательно из США.

Более того, сильный рост цены на энергоносители представляет собой вызов, потому что это делает сланцевую добычу в США рентабельной. Рост цены на нефть и, соответственно, на газ (т.к. цена на газ коррелируется с ценой на нефть) из-за договоренностей, достигнутых в рамках ОПЕК+, может позволить США наращивать начавшуюся в 2010 г. активную добычу сланца и дальше, сбивая цену, создавать тем самым конкуренцию РФ. «Роснефть» назвала данный продолжающийся рост добычи риском номер один.

Поэтому возврат к прежним высоким ценам РФ на самом деле не выгоден. Оптимальной ценой в Правительстве РФ называют соблюдаемый в данный момент коридор в \$50-60 за баррель. РФ до 2020 г. может упустить часть растущего рынка в результате того, что начинать ценовую войну невыгодно. Так как МЭА дает более негативный для РФ прогноз, нежели ОПЕК, целесообразно привести именно его.

Общий спрос на газ будет расти быстрее предложения даже с учетом сланца. Так, в Европе спрос на газ в 2017 г. вырос на 6%. Для сравнения, рост российской газодобычи в 2017 г. составил около 8% (50млрд куб) до 690 млрд кубометров – рекордный показатель со времен СССР. Темпы роста добычи газа в общемировом масштабе в 2017 г. находятся на самом низком за последние 34 года уровне (0,3%), что позволяет говорить о переформатировании рынка газа не без выгоды для РФ.

Таким образом, РФ оказалась в «цугцванге», когда активные ценовые интервенции РФ на международные энергорынки в отрыве от ОПЕК окажутся худшим ударом по интересам РФ, чем сдача части рынка мировым производителям СПГ, потому что «пирог» будет расти быстрее, чем его отдельные части. Но и пассивное наблюдение, и неучастие РФ в диалоге по формуле ОПЕК+ могут спровоцировать резкое снижение цен на ресурсы.

Из данной ситуации следует один однозначный вывод. В краткосрочной перспективе для РФ вопросы цены будут носить второстепенный характер, в то время как для долгосрочной перспективы можно услышать прогнозы обострения борьбы с США не за цены энергоносителей, а за рынки сбыта. Одним из таких рынков сбыта, где политическая борьба уже принимает драматический оборот, является Европа.

Для России первостепенную роль играет сотрудничество в рамках диалога по формуле ОПЕК+, как наиболее отвечающей интересам РФ в сфере обеспечения энергетической безопасности и противодействия угрозам слишком заниженных или слишком завышенных цен, выбивающихся из коридора в 50-60\$ за баррель, заложенного Правительством РФ.

Внимания по вопросам вызовов и угроз российскому экспорту газа в Европу могут требовать следующие три аспекта. Во-первых, растет конкуренция российского трубопроводного газа с СПГ. Во-вторых, США медленно, но уверенно превращаются в нетто-экспортера энергоресурсов за счет технологии гидроразрыва пласта. В-третьих, обостряется внутриевропейская межстрановая и межинституциональная политическая борьба по проблемам прокладки трубопроводов СП-2, Балтик Пайп из Норвегии через Данию в Польшу и прекращения транзита через Украину.

Экономические темпы роста генерации с помощью ВИЭ выше темпов роста мировой экономики, и последние научные исследования говорят о том, что ВИЭ перешагнул порог экономической безубыточности и конкурентоспособности в отдельных областях как ФРГ, так и РФ. Но если в ФРГ это вызвано технологическим прогрессом, форсированным государством (Закон о ВИЭ 2000 г. предусматривает дотации на 30 лет), то в РФ это обусловлено высокой стоимостью прокладки энергетической инфраструктуры в отдаленные регионы. По некоторым прогнозам, в РФ с 2025 г. ВИЭ может стать конкурентоспособнее нефти, что дает дополнительные основания предполагать разумность выработки долгосрочной стратегии на внедрение ВИЭ в отдельных регионах РФ, учитывая и избегая недостатков стратегий ФРГ на данном направлении.

### **Список источников и литературы**

1. Мировые запасы нефти по странам (по состоянию на 01.01.2018). Электронный ресурс. <http://vseonefti.ru/neft/global-oil-2018.html> (дата обращения - 01.03.2019). BP Statistical Review of World Energy 2018.
2. Добыча нефти крупнейшими нефтедобывающими странами (2015-2017 гг.). Электронный ресурс. <http://vseonefti.ru/neft/global-oil-2018.html> (дата обращения - 01.03.2019). BP Statistical Review of World Energy 2018.
3. Energy Technology Perspectives 2008. 646 p. [Электронный ресурс] - Режим доступа: URL: [http://www.iea.org/publications/free\\_publications/publication/energy-technology-perspectives-2008-.html](http://www.iea.org/publications/free_publications/publication/energy-technology-perspectives-2008-.html) (дата обращения – март 2018 г.); Жизнин С.З., Тимохов В.М. Технологические аспекты

энергетической дипломатии России. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016; 48(3):с.43-53.

4. Жизнин С.З. Международное сотрудничество в сфере энергетических технологий: учебное пособие / С.З.Жизнин, В.М.Тимохов; МГИМО МИД РФ, МИЭП МГИМО. М: МГИМО-Университет, 2016. — 249 с. — ISBN 978-5-9228-1489-8; Жизнин С.З., Тимохов В.М. Международная энергетическая безопасность и модернизация ТЭК России. *Энергетическая политика*, 2011, № 6, с. 21-29.

5. Аникин В.И., Борох Н.В., Епишина Е.С., Сурма И.В. Энергетическая политика и вопросы экономической дипломатии России как приоритет мирового развития.- М.: Восток – Запад, 2014. - 179с. ISBN 978-5-7873-0851-7.

6. Аникин В.И., Сурма И.В. О стратегических подходах и оценках экономической безопасности России в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. В сборнике: *Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции "Модернизация России: ключевые проблемы и решения"*. Ответственный редактор Пивоваров Ю.С.. 2015. С. 226-234.

7. Актуальные проблемы международных отношений. Взгляд политологов и экономистов / сост. и отв. ред. Р.Н. Шангараев, И.В. Сурма – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2015. – 237 с.

8. Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России. Аникин В.И., Анненков В.И., Сурма И.В./ В книге: *Современный мир и геополитика*. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громыко А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Коньшев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. Москва, 2015. С. 99-115.

9. Аникин В.И., Сурма И. В. Национальная безопасность России: новые подходы в меняющемся мире. / *Вопросы безопасности*. №3. 2016. с. 1-18; eISSN: 2409-7543.

10. Netto importabhängigkeit nach Energieträgern, BMWi, 2016.

**Зиннуров Ирек Хайдарович**

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Комитета по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками

E-mail: [zinnurov@duma.gov.ru](mailto:zinnurov@duma.gov.ru)

**Irek H. Zinnurov**

Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Member of the Committee on CIS Affairs, Eurasian Integration and Relations with Compatriots

E-mail: [zinnurov@duma.gov.ru](mailto:zinnurov@duma.gov.ru)

## **СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ**

### **SPORT AS INTERNATIONAL ARENA RUSSIA IMAGE FORMATION TOOL**

**Аннотация:** Использование спорта для усиления имиджа страны, продвижения влияния, демонстрации высокого уровня социально-экономического развития соответствует концепции "мягкой силы". Данная концепция разработана американским ученым Джозефом Наем. Он разделяет мощь государства на две составляющие: так называемую «жесткую силу» (hard power) и «мягкую силу» (soft power).

**Ключевые слова:** Россия, СССР, США, жесткая сила, мягкая сила, умная сила, спорт, международная арена, имидж государства.

**Abstract:** The use of sports to enhance the image of the country, promoting influence, demonstrating a high level of socio-economic development is consistent with the concept of "soft power." This concept was developed by the American scientist Joseph Naem. He divides the power of the state into two components: the so-called "hard power" (hard power) and "soft power" (soft power).

**Keywords:** Russia, USSR, USA, hard power, soft power, smart power, sport, international arena, image of the state.

Под «жесткой силой» подразумевается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, а «мягкая сила» характеризуется областью культуры, ценностями и идеологией. Важно отметить, что во

многих случаях данные меры могут быть менее заметными и затратными, но в то же время оказаться более эффективными, чем вооруженное вмешательство в дела зарубежных государств.

Совершенствуя концепцию «мягкой силы», в 2006 г. Д. Най и Р. Эрмитэдж ввели еще один термин – «умная власть» (smart power). Переход от термина «мягкая сила» к термину «умная власть» показывает, что США при проведении соответствующей политики подразумевают не косвенное, осторожное влияние на другие страны (что ближе к слову «мягкий»), а именно осознанно и целенаправленно используют малозаметные, но крайне эффективные меры (именуемые термином smart – умный, элегантный).

В 2013 г. в России принята государственная программа "Развитие физической культуры и спорта на период до 2020 года». Ее четвертая подпрограмма содержит раздел "Международная политика", свидетельствующий о том, что и нашими властями вполне осознается и реализуется имиджевый потенциал спорта на международной арене. Кроме того, в госбюджете России предусмотрена субсидия Олимпийскому комитету по направлению «Международная политика».

Широко известна цитата генерального прокурора США Роберта Ф. Кеннеди, который в 1964 г. заявил: «Наше превосходство на Олимпийских играх должно стать нашим национальным интересом. В период холодной войны спортивные достижения приобретают огромное значение во внешней политике».

Демонстрация достижений в спорте, спортивных побед активно использовалась как в СССР, так и в США для пропаганды. В социалистическом лагере, помимо СССР, выделялись команды из ГДР, которые на большинстве спортивных соревнований опережали западно-немецкие команды, а во многих случаях – и американских спортсменов.

Российская исследовательница Н. Бродская писала о роли спорта в создании образа СССР как великой сверхдержавы: «Было несколько примеров, которые должны были повышать имидж СССР в мире. Среди них космические полеты, культура и спорт. СССР грамотно использовал собственные спортивные успехи для продвижения благоприятного так называемого "бренда" страны. Победы в спорте стали важной частью имиджа Советского Союза. Успехи на Олимпийских играх и чемпионатах мира не только повышали имидж СССР, но и несли эту же функцию для пропаганды внутри страны, они были одной из не очень многих возможностей сравнения социалистического и капиталистического строя, причем в этом соревновании Запад обычно проигрывал».

Аналогичным образом большое внимание достижениям в спорте, как важной части государственной политики, уделялось и Соединенными Штатами Америки, где существуют собственные традиции организации спортивных соревнований. В США считается, что в спорте находят отражение основные ценности американского общества: равенство, конкуренция, состязательность, инициативность. Более того, как пишет профессор РГАФК Л. Лубышева, «в 60-е годы, после издания труда Р. Бойла “Спорт - зеркало американской жизни”, спорт, став национальным увлечением, был объявлен моделью самого американского общества. Начиная с 70-80-х годов прошлого столетия спорт в США является “второй религией”, в которую верят большинство американцев».

При рассмотрении возможностей использования общественного статуса и политических функций большого спорта в государственных целях особо следует выделить роль правительств в данных процессах. Говоря об участии государств в спортивных вопросах, В.Родиченко отмечал: «В течение более чем ста лет международные спортивные соревнования и международный спорт идут вперед благодаря негосударственным общественным организациям. Необходимо подчеркнуть, что поскольку спорт означает наличие одинаковых возможностей, то эта сфера якобы не должна управляться государственными структурами. Однако несомненно, что спорт всегда был местом столкновения государственных, экономических и политических интересов. Противостоять использованию спорта в политике нерационально и, возможно, ошибочно. Если вдруг в какой-то момент спорт не будет использоваться для реализации политических задач, то сразу же прекратится и поддержка спорта со стороны государства, что нанесет вред спорту».

В 1980-е гг. в заключительный период Холодной войны страны Запада стали стремиться переманивать советских спортсменов, что имело не только спортивную или экономическую составляющую, но и политическую. Например, в резонансном письме хоккеиста И. Ларионова в журнале «Огонек» в 1988 г. упоминалось о том, что в дом его родителей приезжала представительница общества дружбы "Канада - СССР", которая была гостьей Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Отъезд «за океан» таких хоккеистов, как А. Могильный, С. Федоров, В. Фетисов, И. Ларионов и других имел не только спортивные, но и идеологические причины: показывал стремление людей, являвшихся символом советского спорта, переехать в другую страну. Эти факты активно использовались зарубежными странами в пропаганде. При этом следует отметить, что заокеанская Национальная хоккейная лига является

организацией, не входящей в Международную федерацию хоккея (ИИХФ), поэтому, когда советские или российские хоккеисты переходили в НХЛ, в том числе прерывая существовавшие контракты, за них не выплачивалось абсолютно никаких компенсаций.

П. Виноградов затронул несколько тем, помогающих понять политику государства, проводимую в отношении спорта, а также определить подход государства к выбору вектора движения: «Необходимо определиться, в чем мы зависим от мировой среды, а в чем – не зависим. Кроме того, как мы влияем на мировую среду. Поскольку, если Международный олимпийский комитет сам решает, какие виды спорта являются приоритетными, на каких соревнованиях нам нужно сконцентрироваться и поддерживать их, что показывать по телевидению, то тогда в чем проявляется наша самостоятельность? Финансирование и поддержка спорта осуществляется на основе государственных интересов или интересов Международного олимпийского комитета?».

Глава Государственного комитета спорта РФ П. Рожков считал, что работа спортивных федераций должна оцениваться на основе следующих критериев: уровень развития данного вида спорта в стране; отставание позиций Российской Федерации в международных организациях; достижения на международных соревнованиях. Таким образом, взаимосвязь спорта и политики подробно рассматривается и доказывается данными публикациями. Однако их ключевым аспектом является указание на возможность позитивного использования спорта, исходя из государственных интересов, а также объяснение необходимости противодействия невыгодной для государства практике со стороны международного сообщества.

Что касается целенаправленных усилий по формированию имиджа спортивной страны, то П. А. Рожков считал: «Деятельность в области продвижения спорта необходимо сфокусировать на формировании позитивного бренда страны в целом».

В своих статьях Н. Бродская уделяет большое внимание имиджевой роли Олимпиад и влиянию политики на планирование и проведение Игр. Данная исследовательница отмечает важную роль Олимпиад для страны-хозяйки Игр: «Определение страны проведения Олимпийских игр во второй половине прошлого века частично попал под влияние политических факторов. К концу прошлого века организация Олимпиады стала прибыльным занятием не только с экономической, но и с политической точки зрения. Таким образом, роль Олимпиады для создания выигрышного имиджа государства является весьма высокой. Соединенные Штаты всегда

предлагают кандидатуру одного из американских городов на рассмотрение Международного олимпийского комитета».

Страны мира стремятся получить право организовать Олимпиаду с целью пропаганды своих достижений на уровне международной аудитории (в этом с Олимпиадой не может сравниться никакое другое международное событие, в том числе в области музыки, кинематографа и др.). Получение права на проведение соревнований такого уровня – это уже победа над претендентами, которая говорит не только об уровне развития спорта в стране, но также служит признанием устойчивости и привлекательности ее политической системы, ее успехов в экономике, наличия развитой инфраструктуры и сферы услуг и много другого. Принятие и проведение на своей территории таких соревнований, имеющих общепланетный масштаб, в связи с развитием СМИ и привлечением огромного числа зрителей, предоставляет прекрасные возможности для дальнейшей пропаганды и рекламы своего образа жизни и мышления.

Результаты исследований, проведенных по проблеме освещения Олимпийских игр в СМИ, позволяют утверждать, что олимпийское движение изменяет стереотипы, которые сложились в мировом общественном мнении о стране-организаторе Олимпийских игр, о взаимоотношениях между странами-участницами Игр.

Спортивный имидж страны – явление исторически обусловленное, которое не может существовать, будучи выделенным из контекста исторической ретроспективы. И в этом плане современная Россия, унаследовавшая большую часть советской спортивной славы, имеет более выгодные позиции по сравнению с другими странами мира, которые при формировании своего позитивного имиджа пожелали бы сделать ставку на спорт. С этой точки зрения, оптимизация именно спортивной составляющей имиджа России представляется важным направлением.

Представление в мире о различных государствах формируется не только исходя из их действий в мировой политике, экономических достижений, но также и на основе таких сфер социальной жизни, как спорт и культура. При этом вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что из-за массовости и общедоступности спорта он в настоящее время имеет гораздо большие возможности влияния на формирование имиджа страны по сравнению с культурой. Таким образом, спорт является одним из ключевых инструментов формирования имиджа страны на международной арене.

#### **Список источников и литературы:**

1. Бродская Н. П. Спорт больших достижений как пространство для формирования национального имиджа страны // Национальные интересы и имидж России. М., 2006. С. 57.
2. Виноградов П. А. Щедрость, граничащая с абсурдом. <http://lib.sportedu.ru/press/sfa/1998N2/p18-19.html>
3. Креймер М. Большой спорт как фактор большой политики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://newtimes.ru/stati/others/ad11d038639fcf981fdb8d2984be29f2-bolshoi-sport-kak-faktor-bolshoi-polituku.html> (дата обращения: 25-10-2016).
4. Ларина Е. Взлет и падение «мягкой силы» [Электронный ресурс] / Е. Ларина. – Режим доступа: [http://communitarian.ru/publikacii/bolshoy\\_blizhniy\\_vostok/vzlet\\_i\\_padenie\\_myagkoy\\_sily\\_30082014/](http://communitarian.ru/publikacii/bolshoy_blizhniy_vostok/vzlet_i_padenie_myagkoy_sily_30082014/) (дата обращения: 15-10-2016).
5. Ларионов И. В долгу перед хоккеем... // Огонек. №42, 1988.
6. Лубышева Л.И. Социальная роль спорта в развитии общества и социализации личности // Теория и практика физической культуры. 2001. № 4. С. 11.
7. Родиченко В. С. Олимпийская идея для России (повторение пройденного). М., 2004. С. 24, 29.
8. Рожков П. А. От великой спортивной державы – к здоровой России // Теория и практика физической культуры. 2001. № 1. С. 4.
9. Рожков П. А. Развитие физической культуры и спорта – приоритетное направление социальной политики государства // Теория и практика физической культуры. 2002. № 1. С. 8.
10. Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Сайт Министерства спорта Российской Федерации - Режим доступа: <http://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/>(дата обращения: 11-10-2016).
11. Gardner S., Roenik J. Daily Buzz Devil`s in the details [Electronic Resource] / Fox Sports. - Mode of access:
12. <http://www.foxsports.com/nhl/story/new-jersey-devils-ilya-kovalchuk-did-not-give-up-77-million-did-give-up-on-team-daily-buzz-071213>(дата обращения: 1-10-2016).
13. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power / Joseph Nye. New York: Basic Books, 1990.

**Ногмова Аделина Шафиковна**

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России,  
E-mail: [aspirantura@dipacademy.ru](mailto:aspirantura@dipacademy.ru)

**Adelina Sh. Nogmova**

Ph.D. (Political Science), Associate Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: [aspirantura@dipacademy.ru](mailto:aspirantura@dipacademy.ru)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ПРИГРАНИЧНОГО  
СОТРУДНИЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ  
APPLICATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE IN CROSS-  
BORDER COOPERATION IN RUSSIAN PRACTICE**

**Аннотация:** Одной из основных причин межнациональной напряженности в некоторых приграничных регионах Российской Федерации является проблема миграции из сопредельных государств. Миграционный потенциал в одних только странах СНГ и Балтии составляет около 20 млн. человек. Решение проблем, возникающих в этой связи, неизбежно требует долгой и тщательной работы соответствующих государственных учреждений и институтов гражданского общества.

**Ключевые слова:** Россия, СНГ, ЕАЭС, приграничное сотрудничество, миграционная политика, мигранты.

**Abstract:** One of the main causes of interethnic tension in some border regions of the Russian Federation is the problem of migration from neighboring countries. The migration potential in the CIS and Baltic countries alone is about 20 million people. Solving the problems arising in this connection inevitably requires a long and careful work of the relevant state institutions and civil society institutions.

**Keywords:** Russia, CIS, EAEU, cross-border cooperation, migration policy, migrants.

В последние годы в мире преобладают два взаимосвязанных процесса – глобализация и регионализация: с одной стороны, все больше усиливается взаимозависимость стран во всех международных процессах, влияющая на внутреннее развитие того или иного государства, а с другой – происходит усиление роли и значения регионов в общественном развитии. Еще несколько десятилетий назад участие субъектов государств в

международных связях было явлением редким. Международные связи регионов сегодня трансформировались в существенный компонент международных отношений, способствуя интеграции регионов в мировое хозяйство.

Разностороннее развитие международных связей России, а также усиление самостоятельной внешней деятельности субъектов федерации в последние годы повышают значение приграничного сотрудничества как одной из составляющих внешней политики РФ. Этому способствует и членство России в Совете Европы, где такое сотрудничество считается важной составной частью строительства взаимоотношений в пределах единого общеевропейского пространства и обеспечения безопасности на континенте. В немалой степени на такой подход СЕ воздействует практика Европейского Союза, руководители которого считают, что дальнейшая интеграция в его рамках достижима, если только соответствующее строительство «сверху» будет дополняться укреплением связей сотрудничества «снизу», т.е. между региональными и местными властями соседних государств. Вступление в ЕС восточноевропейских стран объективно усиливает значение этого процесса и придвигает его вплотную к границам России.

Как известно, в стенах «общеевропейского дома» взаимоотношения по приграничному взаимодействию осуществляются прежде всего на основе Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, подписанной 21 мая 1980 г. в Мадриде, и Дополнительного протокола к этой Конвенции, подписанного 9 ноября 1995 г. в Страсбурге. Весь ход послевоенной истории в Европе наглядно демонстрирует, что динамика развития международных отношений подразумевает наличие в той или иной форме контактов между граничащими государствами и на местном уровне. Регионы имеют право играть присущую им роль в выполнении государственных задач, особенно тех, решение которых осуществляются на их территории. По мнению европейских экспертов, увеличение роли регионов на основании изменения внутреннего законодательства неизбежно ведет к расширению сферы ответственности приграничных сообществ. При этом следует руководствоваться неоспоримым фактором, что нахождение какого-либо региона в составе государства должно превалировать над его участием в различного рода приграничных и трансграничных сообществах, наряду с безусловным сохранением приоритета государственного регулирования границы, таможенных пошлин и т.п.

Стоит отметить, что повышенное внимание уделяется вопросу границ и приграничных территорий, особенно в пределах Европейского Союза. Этот интерес обусловлен постепенным ослаблением политических демаркационных линий и запланированным исчезновением экономических барьеров. Кроме того, он по-своему кристаллизует все трудности, ограничения и сдерживающие факторы, которые должны быть преодолены на пути к европейской интеграции. В этой связи приграничные районы действительно являются катализатором прогресса европейского строительства.

Выработанные на сегодняшний день схемы сотрудничества весьма разнообразны. В зависимости от условий и целей создаваемых сообществ они в обязательном порядке оформляются соответствующими межгосударственными соглашениями. В результате регионы наделяются компетенциями налаживать отношения со своими возможными партнерами по другую сторону границы. Соблюдение данной последовательности способствует реализации государственной внешней политики через приграничные связи.

Анализ деятельности существующих межрегиональных приграничных сообществ в целом показывает тенденцию к активному увеличению их числа на фоне несомненных сдвигов в решении локальных проблем в самых разнообразных сферах. Особенно это видно на примере стран Шенгенской группы, в рамках которой предпринимают шаги, направленные на обеспечение свободы передвижения, общения и создания оптимальных условий для профессиональной и иной деятельности жителей сопредельных территорий. В этом процессе велика роль Комиссии Европейских Сообществ, оказывающей через свои программы действенную помощь в решении вопросов, связанных с запланированным постепенным размыванием внутриевропейских границ и исчезновением экономических барьеров.

В российской внешней политике в последние десятилетия приграничные связи также стали играть заметную роль. Направления и приоритеты, сформировавшиеся в последнее время, в качестве одной из возможных форм включают в себя международное региональное взаимодействие и приграничные отношения с государствами ближнего и дальнего зарубежья.

В условиях социально-экономических санкций, введенных США и Евросоюзом в 2014 году, многие регионы Российской Федерации вынуждены регулировать стратегии своего дальнейшего развития с учетом факторов, влияющих на эффективность предлагаемых путей развития, в том числе и фактора приграничного положения региона. Несмотря на очевидные

достижения в развитии приграничного сотрудничества России, важно критически оценивать сложившуюся ситуацию и учитывать, что именно дает это сотрудничество для социально-экономического развития регионов.

На данном этапе экономические, социально-политические и гуманитарные характеристики российского приграничного сотрудничества заметно различаются в трех основных направлениях – европейском, постсоветском и азиатском. Однако среди разнообразия форм и методов приграничного сотрудничества, обозначились наиболее актуальные и перспективные стратегии их реализации, основанные на экономических интересах Российской Федерации, глобальных и региональных приоритетах во внешней политике и вопросах национальной безопасности. Кроме того, в условиях возрастающей международной экономической, социально-политической и культурной интеграции, особое значение приобретает мировой опыт приграничного сотрудничества. В этой связи следует отметить два примера опыта международного приграничного сотрудничества, способных конструктивно и безболезненно интегрироваться в российскую социально-политическую действительность – опыт создания *свободных экономических зон* и *«еврорегионов»*.

За последние десятилетия развитие свободных экономических зон (СЭЗ), получивших широкое распространение во многих странах, стало одним из самых заметных явлений в мировой экономике. В качестве их основных характеристик следует выделить: таможенные льготы, свободное перемещение ресурсов, льготное налогообложение, поощрения инвестиций.

Свободные экономические зоны – это географические территории, которым властями предоставлен льготный, по сравнению с общепринятым для данного государства, режим хозяйственной деятельности. Впервые определение свободной экономической зоны было дано в Киотской конвенции от 18 мая 1973 г. В ней говорилось, что под свободной экономической зоной следует понимать часть территории одного государства, на которой ввезенные товары обычно рассматриваются как товары, находящиеся за пределами таможенной территории по отношению к праву импорта и соответствующим налогам и не подвергающиеся обычному таможенному контролю [1].

В России понятие свободной экономической зоны определено в Федеральном законе «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»: это часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности [2]. Данный закон является одним из основополагающих при осуществлении приграничного сотрудничества в настоящее время.

Свободные экономические зоны, в зависимости от уровня производственных мощностей, общего экономического развития и приоритетных способов хозяйствования, имеют несколько форм проявления.

Одной из простейших форм свободных экономических зон являются свободные (беспошлинные) таможенные зоны (СТЗ). Свободные таможенные зоны представляют собой транзитные склады для хранения, упаковки и легкой обработки товаров, предназначенных для экспорта, и освобождаются от таможенных пошлин на ввоз и вывоз товаров. Такие зоны часто называют бондовыми складами или свободными таможенными территориями. Свободные таможенные зоны имеются во многих странах, но наиболее распространены в индустриально развитых странах.

Зоны свободной торговли (ЗСТ) наибольшее развитие получили в США. Такие зоны представляют собой ограниченные участки территории, в пределах которых установлен льготный (по сравнению с общегосударственным) режим экономической деятельности. В соответствии с законодательством США свободные таможенные зоны, действующие на территории страны, подразделяются на зоны общего назначения и специализированные (субзоны). В зонах общего назначения осуществляются операции по складированию и переработке ввезенных товаров. Субзоны создаются для отдельных крупных компаний, деятельность которых выходит за рамки зон общего назначения. В субзонах производится экспортная или импортозамещающая продукция. Промышленно-производственные зоны возникли в результате эволюции торговых зон, когда в них стали заниматься не только торговлей, но и производственной деятельностью. Они создаются на территории со специальным таможенным режимом, где производится экспортная или импортозамещающая продукция. Эти зоны пользуются значительными налоговыми и финансовыми льготами.

В развивающихся странах получили распространение экспортно-производственные зоны (ЭПЗ). Логика их образования была predetermined экономической стратегией развивающихся стран, когда с середины 1960-х гг. возникла необходимость стимулирования промышленного экспорта и занятости за счет притока иностранных капиталов.

Технико-внедренческие зоны возникли в 1970-80-х гг. В Японии и Китае они специально создаются вокруг крупных научных центров и имеют государственную поддержку. В них концентрируются национальные и зарубежные исследовательские, проектные, научно-производственные фирмы, пользующиеся единой системой налоговых и финансовых льгот. Наибольшее число технико-внедренческих зон функционирует в США, Японии, Китае. В США их называют технопарками, в Японии –

технополисами, в Китае – зонами развития новых и высоких технологий. Самый известный в мире и крупнейший в США технопарк – Кремниевая Долина – дает 20% мирового производства средств вычислительной техники и компьютеров. В Японии в рамках специальных правительственных программ создано два десятка технополисов на базе ведущих научных организаций. В КНР подобные зоны создаются, как правило, в ходе реализации государственных планов по развитию науки и техники.

Сервисные зоны представляют собой территории с льготным режимом предпринимательской деятельности для фирм и организаций, оказывающих различные финансово-экономические, страховые и иные услуги. К числу сервисных зон относятся оффшорные зоны (ОЗ), которые привлекают предпринимателей либеральным финансовым режимом и лояльностью государственного регулирования. Главное требование к компании, зарегистрированной в оффшорной зоне и претендующей на получение налоговых льгот, – не быть резидентом страны, где находится оффшорный центр, и не извлекать на его территории прибыль. К числу стран, где уже давно существуют оффшорные зоны, относятся: Ирландия, Панама, Лихтенштейн, Нормандские острова, остров Мэн (Британия), Антильские острова, Гонконг, Мадейра, Либерия, Швейцария и др. В последнее десятилетие оффшорные зоны появились на Мальте, Маврикии, Западном Самоа, в Израиле, Малайзии (о. Лабуан) и других странах.

Льготный режим в оффшорных зонах определяется также низким уровнем уставного капитала, отсутствием валютных ограничений, свободным вывозом прибыли, отсутствием таможенных пошлин и сборов для иностранных инвесторов, экстерриториальностью и др. Для стран, создающих оффшорные зоны, выгода состоит в привлечении иностранного капитала, создании дополнительных рабочих мест, что в целом способствует развитию национальной экономики. В целом, деятельность оффшорных зон оценивается специалистами неоднозначно. Признавая их роль в международном движении капитала, многие сходятся во мнении, что оффшорные центры зачастую являются местом отмыва «грязных денег» и проворачивания разного рода банковских афер.

Комплексные свободные экономические зоны появились в начале 1980-х гг. Они образуются путем установления особого, льготного по сравнению с общим режима хозяйственной деятельности на территории отдельных административных образований. Большинство из них сформировались на базе регионов с экспортно-ориентированной обрабатывающей промышленностью. Отличие комплексных свободных экономических зон от других форм заключается в охвате больших

территорий и более широком поле деятельности (развитие международной торговли, экспортозамещающего производства, развитие финансового рынка, коммуникаций и туризма). К комплексным свободным экономическим зонам можно отнести пять специальных экономических зон и «открытые районы» КНР, а также территорию «Огненная Земля» в Аргентине.

Таким образом, свободные экономические зоны прошли эволюцию от складских и транзитных до комплексных зон. В мировой практике СЭЗ создаются с определенными целями, которые направлены на повышение благосостояния как в самих зонах, так и на территории всей страны. Основными целями создания СЭЗ являются: привлечение в страну иностранных инвестиций, активизация внешнеторговой деятельности, увеличение объемов экспорта, создание дополнительных рабочих мест, стимулирование промышленного производства, подъем депрессивных территорий, выравнивание межрегиональных различий.

Россия в целом переняла у других стран опыт создания свободных экономических зон, но, к сожалению, вместо инструмента модернизации экономики и привлечения в страну иностранного капитала зональные льготы стали средством скрытого субсидирования и способом первоначального накопления капитала отдельными заинтересованными группами. Поэтому сегодня чрезвычайно важно обеспечить правовую базу для создания условий, при которых режимы льгот будут носить адресный характер с целью стимулирования новых форм хозяйствования, промышленного производства развития внешнеэкономических отношений, обеспечивающих технологический прорыв России в будущем.

Основным преимуществом России в создании свободных экономических зон является возможность использовать транспортно-географическое положение страны и потенциал ее припортовых территорий. Создание в некоторых районах широкой сети свободных таможенных зон может ускорить интеграцию России в мировую экономику и международные хозяйственные связи, а также притянуть потоки капиталов, в настоящее время направляющихся в аналогичные зоны зарубежных стран.

Мировая практика показывает, что создание СЭЗ – весьма действенное направление развития экономики отдельных территорий и регионов, в том числе приграничных. В основном создание подобных зон ориентировано на решение конкретных экономических задач. Территории, наиболее благоприятные для размещения СЭЗ, имеют, как правило, приграничное положение и располагают развитой транспортной, производственной и социальной инфраструктурой. Ввиду отсутствия необходимой правовой базы вопрос о свободных экономических зонах в России до сих пор решался

недостаточно последовательно. Характерной особенностью этого процесса в России стала его излишняя политизированность в ущерб экономическим выгодам.

По сути, разновидностью свободных экономических зон являются зоны экономического приграничного сотрудничества (ЗПЭС), значение которых в налаживании взаимовыгодных экономических связей с приграничными регионами соседних стран, в повышении уровня экономического развития этих регионов очень велико.

ЗПЭС в приграничных областях Китая стали создаваться с 1992 г. Китайское законодательство выделяет два вида свободных экономических зон в приграничном сотрудничестве: приграничные торговые зоны и торговые зоны с пересечением границы. Торговые зоны с пересечением границы создаются по решению местной администрации в приграничном регионе на небольшой территории в районе пересечения границы. На их территории действует таможенный контроль, торговые операции освобождены от налогообложения, если объем купленного товара не превышает 3 тыс. юаней в день на одного человека. Всего в КНР создано 90 торговых зон с пересечением границы, в том числе зона внутренней торговли и туризма Маньчжурия на российско-китайской границе в районе Забайкальска.

В 1990-е гг. активизировались процессы по созданию международных свободных экономических зон. Был подготовлен проект создания специальной экономической зоны Туманган (Туманцзян) на границе России, Китая и КНДР. Суть проекта «Туманган» заключается в создании на площади в 10000 кв. км международной экономической зоны, границы которой расположены в треугольнике порта Чончжин (КНДР), г. Яньцзи (КНР) и Владивостока (Россия).

Проект был рассчитан на 20 лет (начиная с 1995 г.). В свободной экономической зоне предполагалось построить крупный порт, многочисленные промышленные предприятия с использованием китайской и корейской рабочей силы. Россия должна была поставлять на эти предприятия сырье и материалы для переработки. Предприниматели, организовавшие производство в СЭЗ, пользовались рядом льгот. Предусматривалось, что зона будет иметь 42 гибкие границы, к участию в совместном освоении смогут подключиться также и сопредельные регионы.

В качестве вероятной модели приграничного сотрудничества российских регионов можно рассматривать также модель, используемую в Западной Европе и основанную на принципах совместного планирования деятельности приграничных сообществ и властных структур по реализации

проектов в различных сферах деятельности. Финансирование данных проектов осуществляется из бюджета ЕС (программы ТАСИС, ИНТЕРРЕГ, ФАРЕ и др.), государственных и местных бюджетов, а также частными инвесторами.

Данная модель существует в странах с близкой финансово-экономической структурой и похожим уровнем цен на товары и услуги. Основным форматом приграничного сотрудничества в данной модели являются еврорегионы (виртуально обозначенные территории в странах Европы, расположенные географически на границе двух или нескольких государств). Они создаются путем соглашений, заключаемых региональными и местными властями, в которых обозначаются направления совместной деятельности.

Характерными чертами сотрудничества в рамках *еврорегиона* является, прежде всего, то, что все территории имеют общую границу; существует обоюдное стремление к развитию сотрудничества; выработан общий механизм принятия решений и модель финансирования сотрудничества. Субъектами данной модели становятся не только административные органы, но и любые организации, которые играют ключевую роль в развитии экономического сотрудничества в формате того или иного региона. Сферой сотрудничества являются не только транспорт и связь, торговля, новые технологии, но и совместные социально-культурные программы, укрепление взаимодействия в сфере образования, здравоохранения, науки, религии. Особое значение придается формированию единой социальной инфраструктуры.

Необходимо отметить, что еврорегион не является неким новым административным образованием, не представляет опасности для территориальной целостности государств, не угрожает их безопасности, а, напротив, содействует укреплению взаимоотношений между соседними государствами. Механизмом сотрудничества в рамках еврорегиона остается осуществление конкретных совместных проектов, в рамках существующего законодательного поля государств, регионы которых заинтересованы в объединении усилий для решения общих проблем.

Применение модели еврорегионов для российских приграничных территорий имеет приоритет по сравнению с другими моделями в связи с двумя принципиальными моментами. Во-первых, законодательство, существующее в Российской Федерации, позволяет создавать такие совместные организационные структуры, как еврорегионы, для решения задач сотрудничества с приграничными территориями сопредельных государств. Концепция приграничного сотрудничества в Российской

Федерации в качестве одной из форм данного сотрудничества определяет создание уполномоченными органами государственной власти совместных координирующих органов по приграничному сотрудничеству и рабочих групп при них.

Во-вторых, в России уже есть ряд удачных примеров организации приграничного сотрудничества по аналогии с еврорегионами. Наиболее показательным примером является образование еврорегиона «Карелия», в который с российской стороны входит Республика Карелия, а со стороны Финляндии региональные союзы - Северная Похьенмаа, Кайнуу и Северная Карелия [3].

Изучение опыта создания еврорегионов на территории России и стран-участниц СНГ показывает, что предпосылки для появления подобных структур зависят от ряда насущных проблем, решение которых возможно лишь совместными усилиями двух или нескольких сторон. Так, основной предпосылкой создания еврорегиона «Карелия» стала необходимость упорядочения системы финансирования совместных российско-финляндских проектов в рамках приграничного сотрудничества, более организованного, целевого использования существующих финансовых потоков и обеспечения эффективного контроля над их продвижением. Напротив, стимулом к созданию еврорегиона «Буг»<sup>4</sup> послужила нехватка финансовых средств для реализации совместных проектов приграничных областей Белоруссии, Польши и Украины.

Несмотря на российскую специфику в создании еврорегионов, основанную на широкой региональной дифференциации социально-экономических условий приграничной территории и, соответственно, уровней развития сопредельных приграничных территорий и степени их экономической, хозяйственной, культурной, миграционной интервенции, участие Субъектов РФ в приграничном сотрудничестве в данном формате расценивается как перспективное, поскольку оно создает дополнительные возможности для развития экономики российских приграничных территорий и привлечения внешних источников финансирования соответствующих проектов.

---

<sup>4</sup> Трансграничное объединение Еврорегион «Буг» (ЕРБ) было создано на приграничных территориях Польши и Украины в 1995 г. территориальными и правительственными властями, а также органами местного самоуправления воеводств: Хелмского, Люблинского, Тарнобжегского и Замостьского - с польской стороны, а также Волынской области на Украине. 15 мая 1998 г. в Бресте по предложению Брестской области и Бяло-Подляского воеводства ЕРБ был расширен. Спустя два года, в мае 2000 г., в ЕРБ были приняты Сокальский и Жолкевский районы Львовской области.

Российская Федерация в настоящее время развивает приграничное сотрудничество своих регионов с субъектами и административно-территориальными образованиями соседних иностранных государств как на основе двусторонних международных соглашений с этими государствами, так и в рамках глобальных и региональных международных объединений. Фундаментального обновления с учетом сложившихся реалий требует и уже сформировавшаяся нормативно-правовая база трансграничного субрегионального сотрудничества с участием субъектов Российской Федерации. Требованием времени становится и разработка отдельных федеральных законов, определяющих цели, основные направления, приоритеты, организационные формы и механизмы приграничного сотрудничества.

### **Список источников и литературы:**

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18 мая 1973 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1901082> (дата обращения: 06.06.2018)
2. Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (с изменениями на 18 июля 2017 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901941445> (дата обращения: 06.06.2018)
3. Официальный интернет-портал Республики Карелия // URL: <http://www.gov.karelia.ru/> (дата обращения: 22.03.2018)

**Шангараев Руслан Насимович**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного  
управления во внешнеполитической деятельности  
Дипломатической академии Министерства иностранных дел  
Российской Федерации  
E-mail: shang143@mail.ru

**Низамутдинова Диана Ильдаровна**

Магистрант  
Дипломатической академии Министерства иностранных дел  
Российской Федерации  
E-mail: d.nizamutdinowa@mail.ru

**Ruslan N. Shangaraev**

Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Public  
Administration in Foreign Policy Activity at the Diplomatic Academy of the  
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: shang143@mail.ru

**Nizamutdinova Diana Ildarovna**

Master's Degree Student at the Diplomatic Academy of the Ministry of  
Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: d.nizamutdinowa@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ СО СТРАНАМИ  
СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ  
ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**RUSSIA – COOPERATION COUNCIL FOR THE ARAB STATES OF THE  
GULF CONTEMPORARY COOPERATION PECULIARITIES**

**Аннотация:** Ближний Восток всегда привлекал внимание международных академических и экспертных кругов, поскольку разворачивающиеся там события влияют и на другие регионы. Особое место в российской внешней политике занимают монархии Персидского залива, в особенности Королевство Саудовская Аравия, которые в последние десятилетия стали важными участниками происходящих глобализационных процессов, характеризующих новые параметры международных отношений

и формирование транснациональных экономических связей. Эта группа стран, втягиваясь в современный цивилизационный поток, находится на пути к стремительному развитию научно-технической сферы, реформированию политических, экономических, религиозных и культурных процессов, оказывающих существенное влияние на развитие этих стран.

**Ключевые слова:** Россия, ССАГПЗ, монархии Персидского залива, дипломатические отношения, Ближний Восток, торгово-экономические отношения.

**Abstract:** Currently, the attention of international academic and expert circles is increasingly attracting Middle Eastern problems, as events unfolding there affect other regions. A special place is occupied by the monarchies of the Persian Gulf, especially the Kingdom of Saudi Arabia, which in recent decades have become important participants in the ongoing globalization processes that characterize new parameters of international relations and the formation of transnational economic relations. This group of countries, being drawn into the modern civilization stream, is on the path of rapid development of the scientific and technical sphere, reforming the political, economic, religious and cultural processes that have a significant impact on the development of these countries.

**Keywords:** Russia, the GCC, the monarchies of the Persian Gulf, diplomatic relations, the Middle East, trade and economic relations.

Для России важность региона Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) обусловлена рядом причин:

1. близостью монархий Персидского залива к ее южным рубежам, в связи с чем на внешнюю безопасность нашего государства оказывают существенное влияние возникающие в заливе процессы, обладающие конфликтогенным и дестабилизирующим потенциалами;

2. тесной связью религиозно-фундаменталистских и исламистских группировок в странах Персидского залива с экстремистскими и сепаратистскими структурами в российских регионах со значительной долей мусульманского населения (населения, исповедующего ислам), деятельность которых направлена против российской государственности;

3. лидерством государств Персидского залива в добыче и продаже углеводородного сырья, зависимостью формирования мировых цен на топливно-энергетическое сырье от их деятельности, что так или иначе оказывает влияние и на развитие экономики России.

Все эти, а также другие причины обуславливают заинтересованность российской стороны в налаживании многопрофильного сотрудничества со странами Персидского залива.

Отношения России с монархиями Персидского залива, в особенности с Саудовской Аравией, подвергались и продолжают подвергаться сильному воздействию политических факторов, что нередко мешает развитию диалога с ними практически во всех сферах двустороннего взаимодействия. В этом аспекте особую актуальность приобретает изучение социально-гуманитарных вопросов сотрудничества России с монархиями Персидского залива как основы для установления дружественных и долгосрочных связей между этими государствами.

В силу сочетания политико-экономических, стратегических и культурных факторов арабские государства Персидского залива представляют для России значительный интерес. Необходимо подчеркнуть, что геополитическая ценность данного региона в системе национальных интересов России имеет давние корни: в период «холодной войны» страны региона выступали своего рода платформой политического противостояния СССР и США. Согласно идеологической логике, государства Залива разделились на две геополитические группы, одна из которых принадлежала к сфере влияния Вашингтона (Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, Иран), а другая — «зачислена в клуб интересов Москвы» (Ирак и Йемен). Указанная классификация носила относительный и неустойчивый характер, ее конфигурация менялась в зависимости от общего состояния баланса сил между мировыми сверхдержавами, а также от конкретных внешнеполитических акций каждого из полюсов силы мирового лидерства.

Как отмечают Е.П. Бажанов и Н.Е. Бажанова, Саудовская Аравия и Оман «подчеркивали важность России как противовеса слишком возросшему влиянию США как посредника в урегулировании региональных конфликтов» [1].

Сегодня российские идеологи и теоретики внешней политики, стараясь преодолеть архаичный стереотип советских времен, подразумевающий необходимость поддержания и развития отношений прежде всего с идеологически близкими государствами, сфокусированы на прагматичном подходе, целью которого является расширение круга стратегически важных союзников, включая и государства Персидского залива, для продвижения и реализации национальных интересов России как в данном регионе, так и в мире в целом. Определение российских внешнеполитических и экономических приоритетов в Персидском заливе необходимо рассматривать с учетом кардинальных исторических перемен, происходивших на

протяжении последнего десятилетия в планетарном масштабе. Сегодня Москва постепенно укрепляет свой экономический потенциал, возобновляя и углубляя, а в отдельных случаях и расширяя сферу своих национальных интересов в Персидском заливе. В условиях глобализации коммуникативного пространства закономерным выглядит стремление Кремля наряду с реализацией задач эффективного налаживания политического диалога и прагматичного расширения экономического сотрудничества также сконцентрироваться на разноплановых направлениях международного культурного-гуманитарного сотрудничества. Геополитическая логика требует активной вовлеченности Москвы в этот стратегически важный регион, поскольку абсолютное доминирование одного центра силы, в первую очередь США, автоматически повлечет разбалансирующее влияние на страны СНГ, имеющие общие границы с государствами Персидского залива. В этом плане важно отметить, что для России страны СНГ входят в зону жизненно важных интересов и любое обострение ситуации на территории СНГ несет прямую угрозу ее национальным интересам и безопасности.

Дипломатические отношения России с монархиями стран Персидского залива в настоящее время строятся на основе двустороннего взаимодействия.

Развитие политических и торгово-экономических отношений с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, Катаром, Кувейтом, Оманом и Бахрейном, объединившимися в 1981 г. в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), имеет для России очень большое значение как в настоящий момент, так и на перспективу. В монархиях ССАГПЗ сосредоточено 36% мировых нефтяных запасов [3], что позволяет им играть важную роль в Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и, благодаря возможностям картеля, влиять на развитие нефтяной отрасли в мире. Финансовые учреждения арабских монархий Персидского залива являются крупными источниками капитала.

ССАГПЗ – это динамично развивающийся рынок, в рамках которого создается единый таможенный союз. Объединенная экономика ССАГПЗ занимает 14-е место в мире по размеру ВВП. Хотя объем углеводородного сектора в структуре ВВП стран региона составляет около 43%, в ССАГПЗ активно развиваются промышленность, инновационная экономика и социальная инфраструктура. В частных беседах российские предприниматели, работающие в странах Персидского залива, констатируют, что арабская сторона существенно опережает нашу страну, прежде всего, в развитии нефтехимии, обрабатывающей промышленности, а также в строительстве и альтернативной энергетике [11].

Сохраняются перспективы взаимовыгодного торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между Россией и странами Персидского залива. Приоритетными направлениями можно считать энергетический сектор, включая вопросы энергоэффективности, мирное использование ядерной энергетики, возобновляемые источники энергии, а также машиностроение, телекоммуникации, строительство, развитие инфраструктуры, сельское хозяйство, водные ресурсы и пр.

В целом следует отметить, что в странах Персидского залива российский бизнес представлен преимущественно крупными компаниями.

Мелким и средним российским компаниям сложно работать на рынке стран Персидского залива из-за ограниченности товарных запасов и финансовых ресурсов, а также дороговизны кредитов, предлагаемых отечественными банками. Определенные надежды в этом плане связываются с начавшим свою работу Российским агентством по страхованию экспортных кредитов и инвестиций [8]. Агентство призвано поддерживать отечественных экспортеров несырьевого сектора.

Помимо очевидной необходимости поддержания политического диалога на высоком уровне, может быть оправданной тактика «увязывания» российских и арабских коммерческих интересов в России и ССАГПЗ. Речь, в частности, идет о предложениях саудовской стороны создать совместное с Россией предприятие по производству зерновых в нашей стране для последующего экспорта в Саудовскую Аравию [10]. Теоретически, допустив арабских инвесторов в отечественное сельское хозяйство, российская сторона могла бы рассчитывать на определенные преференции при получении контрактов для своих компаний в Саудовской Аравии.

Укрепление взаимодействия с региональными и национальными банками развития (Исламский банк развития, Арабский фонд экономического и социального развития и др.), которые выделяют средства на реализацию инфраструктурных проектов, в том числе в странах ССАГПЗ, возможно, будет способствовать более широкому привлечению российских компаний.

Одновременно желательно ускорить процесс получения компаниями информации от российских загранучреждений о планируемых в странах региона тендерах.

### **Список источников и литературы**

1. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI в. – М.: Восток-Запад, 2009 с. – 96 с. - С.57.

2. Винокуров В.И. Доктрина и практика нового мирового порядка // Россия и мир. Российский мировой проект Материалы научно-экспертной сессии (семинара). Центр научной политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина). 2016. С. 99-105.
3. Запасы нефти и газа шести стран Персидского залива оценены в \$65 трлн [Электронный каталог]/ режим доступа: <http://www.oilcapital.ru/industry/148020.html>.
4. Карпович О.Г. Политика обеспечения национальной безопасности государства // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 23-26.
5. Карпович О.Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России // Национальная безопасность / nota bene. 2015. № 1 (36). С. 73-87.
6. Неймарк М.А. Русофобия в геополитике: фантомы и реальность // XXI век: Перекрестки мировой политики. Под ред. Бажанова Е.П., Москва, 2014. С. 263-279.
7. Ногмов А.М., Шангараев Р.Н., Васина А.А. К вопросу об имплементации военной силы России в Сирии // Дипломатическая служба. 2018. № 4. С. 59-65.
8. Официальный сайт ЭКСАР «Экспертное страховое агентство России» [Электронный каталог]/ режим доступа: <http://www.exiar.ru/about/profile/>.
9. Сидоров Д.А. Южный вектор в политике ЕАЭС // Внешняя политика России на пространстве СНГ материалы Межвузовской научной конференции. Российский университет дружбы народов; Под редакцией к.и.н., доц. К. П. Курылева. 2016. С. 259-287
10. Сусаров А. Хлебная пустыня. Саудовская Аравия ищет в России недостающее зерно [Электронный каталог]/ режим доступа: [http://www.mn.ru/newspaper\\_economics/20110719/303378062.html](http://www.mn.ru/newspaper_economics/20110719/303378062.html).
11. Шехаб Гассан. Экономическое сотрудничество стран Персидского залива с Российской Федерацией: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Шехаб Гассан; [Место защиты: Финансовая акад. при Правительстве РФ].- Москва, 2009.- 187 с.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

**Кулябина Лидия Николаевна,**  
кандидат политических наук,  
доцент кафедры Политологии и политической философии  
Дипломатической академии МИД России  
E-mail: [lidiiakuliabina@gmail.com](mailto:lidiiakuliabina@gmail.com)

**Lidiia N. Kuliabina**  
Ph.D. (Political Science),  
Associate Professor of the Department of Political Science and Political  
Philosophy at the Diplomatic Academy  
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: [lidiiakuliabina@gmail.com](mailto:lidiiakuliabina@gmail.com)

## УРОКИ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА ДЛЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

### CONSIDERING THE MIGRATION CRISIS FOR THE NORDIC COUNTRIES

**Аннотация:** В статье анализируется существенное расхождение в восприятии миграционного кризиса и его последствий у правящих кругов и общественности в странах Северной Европы. В то время как правительства по-прежнему воспринимают мигрантов, в том числе и нелегалов, как источник рабочей силы и призывают остальные страны ЕС к солидарной ответственности за урегулирование ситуации, население пребывает в опасениях, с одной стороны, быть обвиненным в ксенофобии (что опасно сжимает «спираль молчания») и, с другой стороны, боится, что небывалый наплыв нелегалов окончательно демонтирует основы общества благосостояния, которое в последнее время все чаще называют «северной моделью».

**Ключевые слова:** Северная Европа, миграция, миграционный кризис

**Abstract:** the article analyzes the significant discrepancy between the perception of the migration crisis and its consequences between the ruling circles and the public in the Nordic countries. While governments still tend to perceive

migrants, including illegal immigrants, as a source of labour and call on the rest of the EU countries to share responsibility for resolving the situation, the population is in fear, on the one hand, of being accused of xenophobia (which dangerously compresses the "spiral of silence") and fears, on the other hand, that the unprecedented influx of illegal immigrants will finally dismantle the foundations of the welfare society, which has recently been called the "nordic model".

**Key words:** Northern Europe, migration, migration crisis

### **Кризис в цифрах**

Острая фаза процесса, именуемого «миграционный кризис», миновала, следует подводить итоги и извлекать уроки. Север Европы далек от осаждаемых нелегалами и беженцами южных форпостов этой части света, однако влияние ситуации 2015-2017 гг. и здесь ощущается довольно остро.

Вся пятерка североевропейских государств (Дания, Швеция, Финляндия – члены ЕС, Норвегия и Исландия остаются вне ЕС) за последние 10 лет, по данным Nordregio – исследовательского центра, осуществляющего мониторинг миграции по заказу Совета Министров Северных стран, стала новым домом для 3 млн человек (на 26 млн жителей) [1]. В целом с 1990-х гг. число проживающих сегодня, но родившихся не на севере, выросло с 1,3 млн до 3,3 млн человек. Т.е. для северян, в отличие, к примеру, от тех же жителей стран Балтии, массовый въезд трудовых мигрантов не удивителен. С 1990-х гг. население североевропейской пятерки выросло на 16%, 2/3 этого роста составили именно мигранты. Традиции приема беженцев у североевропейцев сильны: начиная с 1950-60-х гг. формировались диаспоры чилийцев, выходцев из стран Африканского рога, позднее – Ирака, Афганистана, Сирии.

Поэтому, говоря о миграционном кризисе, следует помнить, что «кризисной» является не столько ситуация с приемом трудовых и прочих мигрантов, сколько наплыв беженцев, вынужденных переселенцев, просителей убежища, многие из которых – несопровождаемые несовершеннолетние. В докладе Nordregio все эти группы объединены под общим названием «вновь прибывшие». На приведенной диаграмме миграционного потока в Швецию видно, что значительный рост составляет именно эта группа переселенцев, помеченная красным цветом (См. Таблицу 1). По другим странам Северной Европы картина примерно та же, но не столь выраженная.

**Таблица 1. Число прибывших в Швецию (по категориям). Источник: Nordregio [2]**

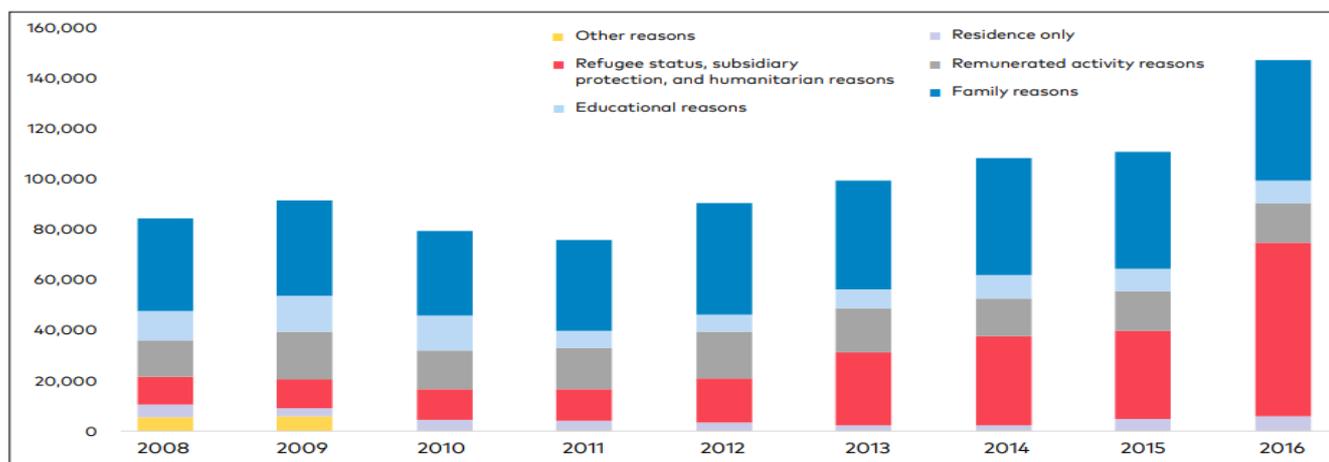


Figure 25: Numbers of first residence permits for Sweden categorized by reason, 2008–2016.

Таким образом, в структуре населения, прибывающего на Север Европы, беженцы, вынужденные переселенцы, просители убежища составляют значимую, но не преобладающую часть. В то же время очевидно, что в пиковые месяцы кризиса именно эта часть составляла до половины и более прибывающих. Однако при суммировании данных за два года, традиционно считающихся кризисными, соотношение беженцев и мигрантов в Швеции составляет примерно 3:4, в Финляндии – 1:3,5, в Дании примерно 1:7, в Норвегии - 1:6 (см. Таблицу 2).

**Таблица 2. Сопоставление числа трудовых мигрантов и беженцев за период миграционного кризиса.**

РОСТ 2015-2017 (чел.)	мигранты	Беженцы
<b>Швеция</b>	<b>100 000</b>	<b>71 400</b>
<b>Финляндия</b>	<b>28 700</b>	<b>8 000</b>
<b>Дания</b>	<b>60 900</b>	<b>8 300</b>
<b>Норвегия</b>	<b>52 500</b>	<b>8 800</b>
<b>Исландия</b>	<b>2 800</b>	<b>142</b>

Составлено по данным портала Международной организации по миграции [6].

Как видно из Таблицы 2, на севере Европы основной прессинг миграционного потока испытывает Швеция: именно туда устремляется основная масса вынужденных переселенцев, движущихся на север. Наряду с Германией, Францией, Италией, Великобританией и Бельгией Швеция входит в шестерку европейских стран, на долю которых приходится 80% прошений о предоставлении убежища.

В 2015 г. Швеция приняла рекордные 163 тысячи просителей убежища. В пиковый период миграционного кризиса 10-миллионная страна принимала по 5–6 тысяч мигрантов еженедельно. Для сравнения: из общего числа прибывавших в Швецию в 2008 г. беженцев было 13 %, в 2016 – 47%. По соотношению одобренных прошений к численности местного населения — 8 на каждую тысячу местных жителей [5] — Швеция оказывается на первом месте.

Примечательно, что, согласно Индексу Международной организации по миграции МІРЕХ (Migrant Integration Policy Index), в котором используется 167 показателей степени интегрированности мигрантов, Швеция (вместе с Португалией) среди 38 европейских стран занимает первое место, Финляндия и Норвегия – третье и седьмое соответственно; в Дании этот показатель также выше среднеевропейского [3].

В результате кризиса 2015-2017 гг. даже несмотря на некоторое ужесточение законодательства по приему (в Швеции приостановлена программа воссоединения семей, постоянные разрешения на проживание беженцев заменены временными, в Дании ужесточены материальные условия пребывания), ситуация не изменилась. Система не только приема, но и интеграции вновь прибывших как трудовых мигрантов, так и беженцев, просителей убежища, несопровождаемых несовершеннолетних не просто работает, но и изменяется, исходя из новых вводных. Координацию усилий по мониторингу и изменению системы приема вновь прибывших осуществляется в рамках специальной программы Совета министров Северных стран - Nordic co-operation on integration of refugees and immigrants [8].

Из беженцев, прибывших в 2015-16 гг., более половины имели только начальное образование, определяемое как девять лет обучения или меньше. Дания, Норвегия и Швеция приняли программы полной интеграции беженцев, при этом экономические выгоды зависят от их участия (языковое образование в специальных школах, а также обучение и стажировка, профессиональная подготовка и помощь бюро по трудоустройству в поиске работы).

В интервью каналу Евроньюс в январе 2016 г. премьер-министр Швеции Стефан Лёвен сообщил, что в пиковые месяцы кризиса в Швеции открывалось по 100 школьных классов еженедельно для обучения вновь прибывших детей, при этом большая часть из них – несовершеннолетние без сопровождения [7].

В Швеции программа интеграции вновь прибывших осуществляется Государственным агентством по трудоустройству. В Дании и Норвегии муниципалитеты несут ответственность за прием и адаптацию беженцев и вынужденных переселенцев, а центральные правительственные учреждения разработали общие руководящие принципы, например, количество часов языкового образования, на которое имеют право участники. Правительство Дании более тщательно регулирует деятельность муниципалитетов, определяя, сколько именно беженцев они должны принимать каждый год и какой тип развития рабочей силы они должны обеспечить.

Под напором Датской Народной партии (крайний евроскептицизм и исламофобия в программе DF - Dansk Folkeparti соседствуют с борьбой за интересы пенсионеров и общей социальной ориентированностью политики) в Дании было значительно ужесточено миграционное законодательство. При этом большинство мер носит точечный, но весьма эффективный характер. Так, в январе 2015 г. парламент Дании одобрил закон, обязывающий мигранта, претендующего на статус беженца, сдавать имущество и ценности, стоимость которых превышает 10 тысяч датских крон (порядка 1450 долларов), в счет покрытия расходов по его приему и начальной адаптации.

Однако в целом власти североевропейских государств воспринимают наплыв беженцев не как проблему, а как возможность: из тренда можно извлечь выгоду, если правильно им распорядиться. Опасения властей связаны с отсутствием общеевропейской солидарности и готовности всех членов ЕС к выработке стратегии выхода из подобных ситуаций.

Иллюстрацией того, насколько прагматично северяне относятся к потоку нелегалов, может служить фраза, принадлежащая депутату давно находящейся в оппозиции шведской Христианско-демократической партии (Kristdemokraterna, KD) Андреасу Карлсону: «Наша страна богатеет от одаренности и импульса каждого отдельного человека. Значимость этого потенциала огромна. Иммиграция, если ей правильно управлять, будет способствовать росту благосостояния... Здесь просматриваются два аспекта для конфликтов – различия в образе жизни и ценностях. Демократия и этика труда – хорошая база общественного здания» [10].

Особенную нужду в рабочих руках (часто низкоквалифицированных, но хорошо оплачиваемых) испытывает Норвегия: речь, прежде всего, идет о северных районах страны и небольших населенных пунктах. Датские власти сдержаннее в оценках, но все же признают необходимость притока рабочей силы для развития экономики страны. Таким образом, в целом власти североевропейских стран видят проблему не столько в самом миграционном потоке, сколько в том, как и кем он контролируется и управляется.

### **Солидарная ответственность**

Составная часть процесса общеевропейской интеграции — выработка государствами-членами ЕС общей иммиграционной политики, которая предполагает согласование задач, целей, приоритетов и масштабов иммиграционной политики стран-участниц. При этом иммиграционная политика находится в компетенции национальных правительств и связана с безопасностью и национальным суверенитетом.

Эксперты склонны называть миграционный кризис в ЕС 2015-2017 гг. кризисом управления. Бессилие властей ЕС в попытках остановить наплыв сопровождался неудачей с запуском Директивы о временной защите 2001 г. (государство обращается в Еврокомиссию, та в Совет министров, тот квалифицированным большинством приводит в действие механизм перераспределения мигрантов). Квотирование вызвало протесты в странах ЦВЕ.

В уже упомянутом интервью каналу Евроньюс в январе 2016 г. премьер-министр Швеции Стефан Лёвен с сожалением отметил, что миграционный кризис — это прежде всего кризис солидарности: «Коллективная ответственность — вот ключ к разрешению миграционного кризиса. Швеция взяла на себя ответственность. Но мы не понимаем, что делать дальше. Нужно общее решение»[7].

Такая постановка вопроса способна не столько призвать к ответственному поведению членов Евросоюза (Вышеградская четверка в вопросе отказа от приема беженцев в итоге взяла верх), сколько к росту евроскептицизма и разочарования северян в общеевропейском проекте. Хотя и сами евроскептики, как показывает предвыборная кампания в Европарламент (в том числе и на территории стран Северной Европы), меняются: они все чаще стремятся войти в структуры ЕС, чтобы поменять интеграционную группировку изнутри.

### **Последствия миграционного кризиса: реакция общественности**

Согласно данным соцопроса, проведенного Ipsos по заказу шведского таблоида Dagens Nyheter (DN) в начале 2016 г., 40% шведов считали

«интеграцию и иммиграцию» самыми большими проблемами, стоящими перед скандинавскими странами [4]. В 2016 г. опросы показывали, что 29 % местных граждан считают, что королевство принимает слишком много беженцев, а траты на приезжих – 4 млрд долл. в год – непростительное расточительство. В 2017 г. число, разделяющих подобное отношение, возросло до 41%.

Обозреватели фиксируют также феномен, который может быть отнесен к «спирали молчания». Высказывания негативного и даже критического свойства в отношении мигрантов или любых других групп населения в Швеции воспринимаются не иначе как нарушение прав и оскорбление. Так, еще в 2012 г. бывший тогда премьер-министром Фредерик Рейнфельдт заявил, что среди «этнических шведов» среднего возраста почти нет безработных. Разразившийся вокруг фразы скандал был вызван и содержанием заявления, и тем, что само выражение «этнические шведы» (*etniska svenskar*) часто употребляют в националистических кругах. Премьер-министру пришлось извиняться.

Российские СМИ цитируют Ивара Арпи (Ivar Arpi), обозревателя газеты Svenska Dagbladet (SD) и непримиримого критика миграционной политики: «Люди, поднимающие эту тему, теряют друзей, да что там — раскалываются целые семьи» [11].

У женщин большое недовольство вызывает закон, согласно которому мигрантки с детьми младше семи лет могут рассчитывать на несколько лет оплачиваемого отпуска вне зависимости от того, работают они или нет. На самих шведок это правило не распространяется: они могут получить 450-дневный отпуск после рождения малыша только в том случае, если до этого не были безработными.

В 2016 г. более 50 городских районов по всей Швеции были объявлены полицией «уязвимыми»: это районы компактного проживания мигрантов (например, в столичном Ринкебю их до 90%). В таких районах каждый пятый трудоспособный житель не имеет работы, а полицейским не рекомендовано заходить туда без спецсредств.

Исследование шведского фонда ЕХРО, проводимое с 2008 г., по итогам 2016-2017 гг. дало неутешительные результаты: «наиболее радикальная часть крайне правых на подъеме» [11]. Экспертам фонда в одной только Швеции в 2016 г. удалось насчитать 3064 мероприятия, организованных ультраправыми (сюда включены любые проявления – от маршей до расклейки листовок и раздачи стикеров). Ростом активности характеризуются все регионы (особенно Сcone и Даларна), за исключением

Стокгольма, хотя самые громкие акции проводятся именно в столице. Определяя новые тенденции, исследователи отмечают появление так называемых «ассиметричных групп» и «сетевых субъектов». В качестве примера авторы доклада приводят движение «Антидот» (Motgift), работа которого сконцентрирована на сайте и страничках в соцсетях, на вещании собственного онлайн радио и производстве видеofilьмов.

О росте уровня уличной деятельности ультраправых свидетельствует, в частности, заявление руководителя отдела в Службе безопасности полиции Норвегии Йорна Престерюдстюена: «Мы видим, что они стали более активными. Они явно на подъеме и проводят пропагандистские акции. Помимо всего прочего, организации подобного толка стали более уверенными в своих силах. Они не стремятся спрятаться или замаскироваться — наоборот, их заботит мысль о том, чтобы показать то, что они поддерживают целиком и полностью и за что они выступают» [10].

Другим трендом развития ультраправого движения на Севере Европы следует признать деятельность всевозможных мстителей (швед. medborgargarden), к числу которых можно отнести и «Воинов Одина» (Soldiers of Odin, S.O.O), - организаций, занимающихся патрулированием улиц северных городов. Их рост был спровоцирован изнасилованиями в немецком Кельне в новогоднюю ночь 2015-2016 гг. При этом патрули отслеживают и зачастую применяют угрозы и даже насилие не только в отношении непристойно ведущих себя мигрантов, но и в отношении бездомных и попрошайек.

Между движениями случаются конфликты. Так, представители объединения «Финляндия прежде всего» (Suomi Ensin), в феврале 2016 г. инициировавшие сбор подписей за отставку главы МВД Финляндии в связи с ростом совершаемых мигрантами преступлений, в конце 2017 г. поссорились с движением «Закрывать границы» (Rajat kiinni), что привело к закрытию совместно финансирувавшегося антииммигрантского издания. Однако тенденция к централизации и объединению усилий все же превалирует.

Таким образом, североевропейская общественность настроена куда более скептически властей. Вопросы отношений с мигрантами в публичной сфере обсуждаются редко, поскольку сами по себе такие разговоры воспринимаются как признак сегрегации. Возникает своеобразная «спираль молчания»: шведы, к примеру, высказываются благожелательно о возможности соседства с мигрантами, но со временем переезжают в «более спокойные» районы. Набирают силу антииммигрантские уличные движения, в частности, «Северное движение сопротивления» (деятельность уже запрещена в Финляндии) выступает за одномоментное выдворение из

северных стран всех мигрантов, кроме тех, кто внес существенный вклад в их развитие.

Наблюдатели отмечают как минимум две характерные черты «Северного движения сопротивления» (швед. Nordiska motståndsrörelsen; NMR, фин. Pohjoismainen vastarintaliike; PVL, норв. Nordiske motstandsbevegelsen; NMB, дат. Danske Modstandsbevægelse): строгую иерархию и признание насилия как эффективного средства борьбы.

Программные принципы, опубликованные на официальном сайте NMR [12], предельно незамысловаты и лаконичны. Два первых из девяти пунктов призваны прояснить причины того, почему, по выражению основателя движения Класа Лунда, «шведы в полном пролете» (De svenska männen befinner sig i full flykt). Во-первых, это мигранты: все неблизкородственные северянам приезжие должны подлежать репатриации (за редким исключением для тех, кто принес скандинавам особую пользу). Во-вторых, это мировая сионистская элита, скрытую власть которой надо нещадно изобличать и создавать альтернативные структуры, противостоящие господству сионистов на Европейском Севере.

Оставляя в стороне введение всеобщей воинской повинности и отмену института адвокатуры (пункты 8 и 9 соответственно), следует отметить, что оставшиеся пять пунктов, составляющие суть программы, способны снискать благосклонность далеких от правых взглядов северян. Так, пункт шестой гласит о жизни в гармонии с природой, что не оставит равнодушными ни зеленых, ни сторонников идеи устойчивого развития (эмблема движения – белая направленная вверх стрелка на фоне темно-зеленого ромба). Седьмой пункт фактически посвящен описанию общества благосостояния, в котором соцподдержка сочетается с раскрытием индивидуального потенциала каждого (в этом смысле в северных обществах уже давно достигнут консенсус). Критика СМИ, деятельности которых посвящен пятый пункт программы, свидетельствует об утопичности и даже инфантильности теоретиков северных ультраправых: по их представлениям, масс медиа должны быть «народными».

Наконец, суть программы заключена в седьмом пункте и состоит в создании единого северного государства – с общей обороной, валютой, центробанком и т.д. – сильного народного государства, способного «защитить северян от страданий».

Известны попытки создания шведским отделением движения политической партии в 2014 г., которые, однако, не увенчались успехом (из-за полного провала на муниципальных выборах). Очевидно, что подобные попытки будут продолжены.

Реакция властей всех четырех стран Северной Европы, на территориях которых действует «Северное движение сопротивления» в общих чертах идентична: движение не запрещено, а активисты преследуются чаще по уголовным делам либо в связи с неповиновением требованиям полиции. Так, в Норвегии в мае 2016 г. один из «Воинов Одина» был признан виновным в избиении мужчины и осужден на 1,5 года.

Ради проведения в Хельсинки факельного марша ультраправой организации «612» 5 декабря 2017 г. властями было принято решение об отмене детского праздника, посвященного столетию независимости. Дело в том, что для проведения гражданских маршей как актов реализации свободы слова и собраний, в отличие от детских праздников, которые приравнены к публичным мероприятиям, не требуется разрешения властей.

Такие примеры предельно уважительного отношения к свободам граждан в Финляндии не единичны. Так, начиная с февраля и практически все лето 2017 г. в центре Хельсинки у Музея современного искусства «Киасма» были развернуты друг напротив друга два палаточных лагеря – беженцев и представителей националистических движений; полиция лишь пресекала возможные столкновения.

Но не во всех странах Северной Европы полиция одинаково лояльна к деятельности экстремистов. К примеру, Хокон Хорвальд, руководитель норвежской части Движения сопротивления, проживает в шведском Людвике, откуда и руководит подразделением организации в Норвегии. Сам он объясняет ситуацию тем, что в Норвегии система противостоит их действиям активнее, чем власти Швеции [13]. Для Швеции задержание порядка шести десятков участников гетеборгского марша 30 сентября 2017 г. – акция беспрецедентная. Так, ранее в сентябре того же года 50 представителей NMR уже проходили маршем по центру Гетеборга: шествие также сопровождалось драками, однако арестов не последовало, хотя акция не была даже согласована с властями.

Кроме того, в июле 2017 г. трое организаторов серии взрывов в Гетеборге (все трое – члены «Северного сопротивления») были осуждены на 8,5, 5 лет и 1,5 года каждый. По чистой случайности обошлось без жертв, а следствие квалифицировало действия преступников как «домашний экстремизм».

Но вопрос о запрете деятельности «Северного движения сопротивления» до сих пор не ставился нигде, кроме Финляндии: полиция весной 2017 г. подняла вопрос о необходимости запрета «Северного движения сопротивления» на территории страны. По представлениям полицейских управлений уездные суды (в ноябре 2017г. - суд Пирканмаа, в

декабре 2017 г. - суд Биркаланда) начали выносить постановления о запрете деятельности движения.

Таким образом, значительное численное увеличение миграционного потока в северные страны, а также щепетильность, с которой власти относятся к интеграции вновь прибывших (что влечет непомерные, по мнению обывателей, расходы из казны «государств благосостояния»), пробуждают дремавшие в северных обществах националистически настроенные силы и в целом способствуют если не подрыву установленного общественного консенсуса, то явной перемене в соотношении общественно-политических сил.

### **Источники и литература**

1. Nordic Economic Policy Review. Labour Market Integration in the Nordic Countries // [Электронный ресурс] Режим доступа <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1090694/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 21.01.2019)
2. Heleniak T. From Migrants to Workers: International migration trends in the Nordic countries // Nordregio Working Paper 2018:1 [Электронный ресурс] Режим доступа <http://norden.diva-portal.org/smash/get/diva2:1186222/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 19.01.2019)
3. Migrant Integration Policy Index (MIPEX) [Электронный ресурс] Режим доступа <https://gmdac.iom.int/research-database/migrant-integration-policy-index-mipex> (дата обращения: 21.01.2019)
4. Invandring den viktigaste frågan för väljarna // Шведский таблоид Dagens Nyheter [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dn.se/nyheter/politik/invandring-den-viktigaste-fragan-for-valjarna/> (дата обращения: 09.01.2018)
5. См.: Воронов К.В. Северные страны // ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. Под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М., ИМЭМО РАН, 2016. С.53-60.
6. [Migration data portal](https://migrationdataportal.org/) / Официальный сайт ИОМ - Международной организации по миграции [Электронный ресурс] Режим доступа [https://migrationdataportal.org/data?i=stock\\_abs\\_&t=2000&cm49=752](https://migrationdataportal.org/data?i=stock_abs_&t=2000&cm49=752) (дата обращения: 21.01.2019)
7. Collective responsibility key to addressing refugee crisis, says Swedish PM // Euronews [Электронный ресурс] Режим доступа [https://www.youtube.com/watch?time\\_continue=14&v=Aa1oyFyuu2s](https://www.youtube.com/watch?time_continue=14&v=Aa1oyFyuu2s) (дата обращения: 13.02.2019).

8. Nordic co-operation on integration of refugees and immigrants // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.norden.org/en/integration> (дата обращения: 23.01.2019)

9. Плевако Н.С. Проблема иммиграции и националистические движения в скандинавских странах // РСМД [Электронный ресурс] Режим доступа <https://russiancouncil.ru/natalia-plevako/> (дата обращения: 21.02.2019)

10. Foreign policy debate, Webb-tv (video) [http://www.riksdagen.se/en/webb-tv/video/utrikespolitisk-debatt/foreign-policy-debate\\_H4C120170215ud1en](http://www.riksdagen.se/en/webb-tv/video/utrikespolitisk-debatt/foreign-policy-debate_H4C120170215ud1en) (дата обращения 25.02.2017)

11. В тени кебабов. Мигранты захватили шведский город. Их боятся даже бабушки // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2018/03/29/sweden/> (дата обращения: 23.01.2019)

12. Vår politik // Официальный сайт «Северного движения сопротивления» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nordfront.se/var-politik.smr> (дата обращения: 05.10.2017).

13. Evertsson H., Kumano-Ensby A., Nordstrøm J. «Vil kjempe til døden for et nytt Norden» // ТРК NRK (Норвегия) [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.nrk.no/dokumentar/xl/vil-kjempe-til-doden-for-et-nytt-norden-1.13810278> (дата обращения: 09.01.2018).

**Ломова Анастасия Александровна,**  
Аспирант Дипломатической академии МИД России  
E-mail: [lomova.dip@gmail.com](mailto:lomova.dip@gmail.com)

**Anastasia A. Lomova**  
Ph.D. Student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs  
of the Russian Federation  
E-mail: [lomova.dip@gmail.com](mailto:lomova.dip@gmail.com)

**ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ  
ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРИМЕРЕ СТРАН АФРИКИ  
(РЕГИОН САХЕЛЬ)**

**EUROPEAN UNION'S POLICY OF ENSURING HUMANITARIAN  
SECURITY ON EXAMPLE OF AFRICAN COUNTRIES (SAHEL  
REGION)**

**Аннотация:** Предметом исследования настоящей статьи является феномен гуманитарной безопасности стран Африки. Автор рассматривает его эволюцию, теоретические импликации и практическую реализацию на эмпирическом материале политики Европейского Союза в Сахеле.

**Ключевые слова:** Европейский Союз, гуманитарная безопасность, Сахель, Африка, безопасность

**Abstract.** The subject of the article is the phenomenon of human security. The author considers its evolution, its theoretical implications and practical implementation in the case of the Sahel policy of the European Union.

**Keywords:** European Union, human security, Sahel, Africa, security.

В середине XX в. появился новый вид безопасности – гуманитарная безопасность. Ее суть заключается в защищенности человека от жизненно важных угроз как на физическом уровне, уровне выживания, так и на экзистенциальном - уровне его идентичности, «самости».

Возникновение концепции гуманитарной безопасности после окончания Холодной войны актуализировало споры о том, кто может быть главным поставщиком безопасности (государство, международные агентства военного и невоенного толка, транснациональные организации), и кто - ее референтным объектом (государство или человек). История изобилует примерами несоблюдения гуманитарной безопасности: от геноцидов разных

времен (Конго, Руанда, Югославия) и мировых войн до сегодняшних событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Эти примеры свидетельствуют о том, что в пространстве мировой политики сложился новый феномен, который Мэри Калдор удачно назвала «новым типом организованного насилия» или «новыми войнами». Для них характерно стирание различий между войной, организованной преступностью, и широкомасштабными нарушениями прав человека. В процессе модернизации стран, одновременно вовлеченных и в глобализацию, конфликты былых времен актуализируются и проявляются в виде противоречий между космополитизмом, проводимом Западом, основанным на инклюзивных, универсалистских многокультурных ценностях, и политикой партикулярных идентичностей, проводимой другими, незападными, странами мира. Традиционные концепции безопасности не имеют достаточных инструментов для анализа и решения таких проблем. Концепт гуманитарной безопасности смещает центр внимания традиционного подхода к безопасности от государства на индивида.

ЕС в силу своей нормативной природы, основанной на принципах либерализма, был одним из первых акторов мировой политики, начавших реализовывать концепцию гуманитарной безопасности.

### **Гуманитарная безопасность как теоретический концепт и феномен реальной политики**

Гуманитарная безопасность - это теория и практика обеспечения защищенности самого человека, она способствует оптимизации взаимоотношений людей с государством, обществом, группами. Сама идея гуманитарной безопасности возникает во времена Просвещения, продолжается в исследованиях неомарксизма 1970-х гг. и приобретает завершённый, институционализированный вид в документах ООН конца 20 – начала 21 вв. Отечественный исследователь указанного феномена М.А. Кукарцева полагает, что: «В чистом виде гуманитарная безопасность есть защита от экзистенциальных угроз...в смешанном виде к ней добавляется экономическая, продовольственная, медицинская, экологическая безопасность, и тогда гуманитарная безопасность трансформируется в гуманитарно-социальную». При этом «чистая гуманитарная безопасность» учитывает безопасность человека, локальных миров и сообществ, безопасность интересов человека. В свою очередь английский исследователь Эмма Ротшильд рассматривает гуманитарную безопасность как сквозную линию в формировании концепции безопасности на всех уровнях - государственном, международном, наднациональном.

В докладе Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) 1994 года был зафиксирован концептуальный сдвиг в понимании безопасности, который произошел после окончания Холодной войны. Концепция безопасности слишком долго толковалась исключительно как защищенность территории от внешней агрессии, обеспечение безопасности национальных интересов государства и защищенность глобального сообщества от угрозы ядерной войны. Документы ПРООН дали импульс теоретическим исследованиям феномена гуманитарной безопасности. В их свете стало ясно, что можно выделить «широкий» и «узкий» подходы к гуманитарной безопасности.

Широкий подход основан на концепциях «свобода от нужды» и «свобода от страха». В докладе ПРООН 1994 года рассматривается свобода от хронических угроз, таких как голод, болезни и угнетения (что требует долгосрочного планирования и инвестиции в развитие), а также защита от внезапных бедствий (которая часто требует немедленного вмешательства и поддержки со стороны внешних сил).

В докладе ПРООН выделено семь компонентов безопасности человека:

1) экономическая безопасность: бедность, уязвимость к глобальным экономическим изменениям;

2) продовольственная безопасность: голод, уязвимость к экстремальным климатическим явлениям и изменениям в сельском хозяйстве;

3) безопасность здоровья: травмы и болезни, уязвимость к заболеваниям и инфекциям;

4) экологическая безопасность: истощение ресурсов, уязвимость к загрязнению и деградации окружающей среды;

5) безопасность личности: насилие со стороны других лиц, обществ, государств, уязвимость к конфликтам, стихийным бедствиям;

6) безопасность сообщества: нарушения целостности культур, уязвимость к культурной глобализации;

7) политическая безопасность: политические угнетения, уязвимость к конфликтам и войнам.

Можно считать, что в ПРООН выявлено множество угроз «жизненному ядру» человека. Комиссия ООН по безопасности человека попыталась расширить концепцию ПРООН 1994 года, включив в нее защиту людей, находящихся в ситуации перемещения (миграция, например), лиц, находящихся в постконфликтных ситуациях, а также защиту и улучшение

жизни в условиях нищеты, принятие мер по охране здоровья и получению доступа к образованию.

Поэтому в широком понимании под гуманитарной безопасностью можно считать неопределенное множество угроз, подстерегающих человека.

Узкое определение гуманитарной безопасности представляет собой более фокусный подход к трактовке этого концепта. Он получил название «канадского подхода», поскольку закреплен в политических документах Канады. Он в целом сужает параметры гуманитарной безопасности до угроз насильственных конфликтов. Мотивы Канады заключались в том, что после окончания Холодной войны вооруженные столкновения чаще происходят внутри государств, все больше людей страдает от действий своих же государств. Согласно Докладу о безопасности человека за 2005 год, «за последние 100 лет гораздо больше людей были убиты своими правительствами, чем иностранными армиями». Бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, например, использовал «узкую» концепцию безопасности, сосредоточив внимание на «защите общин и отдельных лиц от внутреннего насилия».

Не имея фундаментальных различий в трактовке о природе и сущности гуманитарной безопасности, оба подхода представляют собой спор о «достаточности» внутреннего содержания концепта гуманитарной безопасности. Достоинства широкого подхода (гибкость, всеобъемлющий характер) являются одновременно недостатками узкого подхода (формальная определенность, фокус на коллективности) и наоборот.

В настоящей статье гуманитарная безопасность понимается в широком смысле как концепт, отражающий многие современные тенденции в области безопасности человека - от вирусных заболеваний до военных столкновений.

### **Индексы безопасности**

Программа развития Организации Объединенных Наций публикует ежегодный индекс человеческого развития (ИЧР), который обеспечивает сравнительный анализ показателей международного человеческого развития, имеющих отношение к гуманитарной безопасности. Это обеспечивает сложную меру трех измерений человеческого развития: жить долгой и здоровой жизнью (измеряется ожидаемой продолжительностью жизни), получать образование (измеряется грамотностью взрослых) и иметь достойный уровень жизни (измеряется по паритету покупательной способности). В среднем показатели человеческого развития, как правило, растут и падают с доходом государства.

Отчет по Индексу 2016 года (за 2015 год) выявил основные пробелы в благосостоянии и жизненных возможностях стран, которые угрожают

гуманитарной безопасности. Из 188 исследованных стран определились 5 стран с лучшими показателями - Норвегия, Австралия, Швейцария, Германия и Дания. С самыми низкими показателями были Центральноафриканская Республика, Нигер, Чад, Буркина-Фасо и Бурунди. С середины 1970-х гг. почти все регионы постепенно увеличивали свои показатели по индексу. Тем не менее Африка к югу от Сахары является основным исключением. Застой в этом регионе с 1990 г. можно объяснить главным образом влиянием ВИЧ / СПИДа на ожидаемую продолжительность жизни, в то время как сказываются и региональные экономические проблемы.

Разный уровень угроз безопасности человека иллюстрируется сравнением жизни людей в странах, которые являются самыми высокими и самыми низкими в ИРЧП. Средний гражданин Швейцарии (в верхней части лиги ИЧР) и, например, Бурунди (нижняя граница ИЧР) испытывают совершенно разные уровни угроз гуманитарной безопасности. Люди в Швейцарии более чем в 80 раз богаче людей в Бурунди, и они живут почти на тридцать лет дольше.

Еще одним полезным показателем гуманитарной безопасности является Индекс недееспособности государств, который разрабатывают американский журнал *Foreign Policy* и Фонд мира. В индексе рассматриваются 12 показателей, которые делятся на социальные, экономические и политические категории. В тринадцатом отчете 2017 года, из 178 стран недееспособными названы Судан, Сирия, Йемен, ЦАР, Сомали, Южный Судан. В отличие от них, пять государств являются наименее уязвимыми – Финляндия (единственное «очень устойчивое» государство согласно индексу), Норвегия, Швейцария, Дания, Швеция, Австралия.

Существует определенная корреляция между двумя отчетами - ИРЧ и индексом недееспособности. Согласно отчету по гуманитарной безопасности Центра гуманитарной безопасности Университета Британской Колумбии за 2006 год, наибольшее количество вооруженных конфликтов произошло в Центральной и Южной Азии, далее следуют Восточная и Юго-Восточная Азия и Океания, Ближний Восток и Северная Африка, Африка к югу от Сахары, Северная и Южная Америка и Европа. По оценкам, в 2005 году было зарегистрировано 12 039 случаев смерти и смертей от вооруженных конфликтов на уровне штата по сравнению с 15 722 в 2002 г.

Нельзя не заметить существенный отрыв европейских стран от всех остальных, что достигнуто, в том числе благодаря тому, что ЕС является уникальным экономическим проектом, который преуспел в превращении большей части Европы в мирное сообщество безопасности.

### **Реализация Гуманитарной безопасности в ЕПБО**

В своих исследованиях о гуманитарной безопасности в политике Европейского Союза М. Калдор и М. Гласиус утверждают, что существует три основополагающих мотива для ЕС следовать концепции гуманитарной безопасности в ЕПБО и ОВПБ: мораль, закон и корысть. Эти три мотива действуют в концептуальном и практическом симбиозе и неотделимы друг от друга.

Первый мотив основан на предположении об особой европейской нравственности. Основная идея заключается в том, что ЕС и его граждане морально предрасположены к оказанию помощи государствам, регионам, сообществам и отдельным лицам, которым не хватает базовой безопасности, или их безопасность находится под угрозой. Калдор и Гласиус отмечают, что «это может быть необходимо и должно быть приемлемым, исходя из равной ценности всех человеческих жизней».

Во-вторых, существует юридический мотив. Исходя из норм, кристаллизованных в международном праве, ЕС юридически обязан обеспечивать безопасность людей всех народов, а не только своих граждан. Содержание публичных документов и текстов договоров указывает, что ЕС стремится реализовать концепцию гуманитарной безопасности посредством своих правовых обязательств.

Наконец, третий мотив - ЕС следует концепции гуманитарной безопасности в рамках активного поиска защиты своих собственных интересов. Калдор и Гласиус называют это «просвещенным эгоизмом». Другими словами, существует убеждение, что европейцы не могут быть счастливы до тех пор, пока другие государства и народы живут в условиях отсутствия безопасности. Здесь логика заключается в том, что, поскольку люди, не входящие в ЕС, сталкиваются с проблемами безопасности, сам ЕС не может быть в безопасности. «Внешняя небезопасность» в конечном счете повлияет на европейские демократические ценности и институты. Следовательно, незащищенность проникает в национальные границы, экспортируется и импортируется географически. Просвещенный эгоизм тесно связан с обоими пунктами и указывает на то, что в мире, характеризующемся пористыми границами, интересы ЕС (то есть потребности в области безопасности) могут быть действительно когда-то соблюдены только путем устранения неуверенности (и нестабильности) во всем мире. Например, ситуация в странах Африки и Ближнего Востока в условиях конфликтов, гражданских войн и террористической активности непременно затрагивает европейские страны как со стороны миграционной составляющей, так и терроризма, преступности (или и того, и другого).

Существует тонкая грань между проблемами обеспечения безопасности людей внутри и вне ЕС. Мы все чаще наблюдаем тенденцию, когда меры обеспечения безопасности компрометируют права и свободы людей, которых, согласно нормативной идее Евросоюза, необходимо защищать.

На протяжении многих лет ЕС разрабатывал либеральную политику, которая способна защитить и обеспечить безопасность отдельных лиц и общин в пределах его границ, и нынешние финансовый и миграционный кризисы вывели на первый план многие политические, экономические и социальные аспекты гуманитарной безопасности.

Многие сторонники концепции гуманитарной безопасности приводят в пример «Отчет о реализации Стратегии европейской безопасности» 2008 г. в качестве свидетельства принятия и интернационализации концепции в ЕС. В нем подробно описывается «характерный европейский подход к внешней политике и политике безопасности», и он впервые продемонстрировал свои обязательства в гуманитарной безопасности: «Имея в распоряжении уникальный ряд инструментов, ЕС уже способствует повышению безопасности в мире. Мы работаем над человеческой защищенностью, снижая уровень бедности и неравенства, пропагандируя хорошие управленческие практики и права человека, оказывая содействие в развитии и рассматривая непосредственно первопричины конфликтов и незащищенности. ЕС остается крупнейшим источником помощи».

На основании рассмотренных материалов, можно утверждать, что в силу самой специфики ЕС, гуманитарная безопасность является приоритетом Союза во внутренней и внешней политике.

### **ЕС – САХЕЛЬ**

ЕС впервые заявил о признании взаимосвязи между безопасностью и развитием в Стратегии европейской безопасности 2003 г. [1] и впоследствии инкорпорировал это понятие в свою внешнюю политику [10]. Одни исследователи утверждают, что Европейский Союз стал главной движущей силой парадигмы гуманитарной безопасности [7]. Другие - что гуманитарная безопасность не стала стратегическим нарративом политики безопасности ЕС, а лишь, в той или иной степени, вписывается в его дискуссию по вопросам политики безопасности [2]. Приверженность ЕС идее взаимосвязи безопасности и развития, а также его принятие гуманитарной безопасности как основания внешнеполитических практик особенно очевидны в комплексном подходе ЕС к Сахельскому региону [9]. Этот регион не граничит с ЕС и включает Мавританию, Мали, Нигер, Буркина-Фасо и Чад [4]. Тем не менее связь Сахеля как с Северной Африкой, так и с Африкой к

югу от Сахары привела к тому, что ЕС рассматривает регион с точки зрения его геополитической важности, как напрямую влияющий на европейские интересы и безопасность [8].

Регион Сахеля является одним из самых бедных мест на Земле. Он сталкивается с многочисленными проблемами, связанными с крайней нищетой и продовольственными кризисами, которые еще больше усугубляются значительными демографическими проблемами - ростом населения, переселением и миграцией. Регион также страдает от внутренней напряженности и слабости государственных институтов, что приводит к росту организованной преступности, радикализации и экстремизму, в том числе связанных с глобальными террористическими сетями.

Следовательно, Сахельский регион, ввиду его географической близости к европейским границам, играет важную роль во внешней политике ЕС, что в том числе обозначено принятием Стратегии ЕС в области безопасности и развития в Сахеле 2011 г. [4], в которой излагается всеобъемлющий европейский подход к региону. Вовлечение ЕС еще более активизировалось с принятием Регионального плана действий в Сахеле в 2015 г. и созданием гражданских миссий ЕС в Мали и Нигере, а также учебной миссии ЕС в Мали в рамках ОПБО [5].

Для изучения европейского дискурса гуманитарной безопасности рассмотрим политику ЕС в регионе Сахеля, проведя анализ официальных документов ЕС: Стратегии в отношении Сахеля 2011 г., в которой применяется комплексный подход для региона, и Регионального Плана Действий 2015 г., который составляет основу для реализации первого документа.

### **Дискурс гуманитарной безопасности в политических документах ЕС в отношении Сахеля**

Стратегия ЕС в отношении Сахеля и Региональный План Действий четко указывают на широкую концепцию гуманитарной безопасности, которую ЕС принимает в своих политических документах в отношении региона. Соответственно, Региональный План Действий начинается с заявления о том, что безопасность и развитие в регионе Сахеля имеют решающее значение для Европейского союза. Крайняя нищета, внутренняя напряженность, слабость институтов, растущая демография, частые продовольственные кризисы, несоблюдение прав человека, незаконная миграция и связанные с ними радикализация и насильственный экстремизм – такие серьезные проблемы ведут к возможным последствиям для Сахеля и других стран, регионов, включая ЕС [3].

В соответствии с расширением понятия безопасности, ЕС анализирует большое разнообразие угроз стабильности и безопасности региона. Они ни в коем случае не ограничиваются обычными военными угрозами, а, наоборот, охватывают многочисленные вопросы, начиная с бедности и роста населения и заканчивая экологией.

В частности, в Стратегии в отношении Сахеля отмечается, что вышеупомянутые угрозы «не только влияют на местное население, но и все больше влияют на интересы европейских граждан» [4]. Более конкретно в Региональном Плане Действий говорится, что «проблемы засухи, изменения климата и здравоохранения будут по-прежнему влиять на растущее местное население» [3]. Следовательно, документы указывают не только на расширение, но и на углубление проблем гуманитарной безопасности населения региона.

Фактически как Стратегия в отношении Сахеля, так и Региональный План Действий пронизаны ссылками на то, как «безопасность и развитие в Сахеле имеют очевидное и непосредственное влияние на защиту европейских граждан и интересов» [4]. Это очевидно в отношении миграции, поскольку «бедность создает присущую ей нестабильность, которая может влиять на неконтролируемые миграционные потоки» [4]. Миграция, в свою очередь, источник серьезной озабоченности для ЕС, поскольку «миграционное давление возрастает с серьезными последствиями для ЕС» [3]. Кроме того, ЕС идентифицирует недостаточное развитие как первопричину экстремизма и радикализации, которые, как считается, угрожают западному образу жизни [4]. Угрозы, которым подвергается Сахель и его население, могут повлиять на ЕС и его граждан, что делает методы развития региона средством обеспечения безопасности самого Евросоюза.

Дискурс в области гуманитарной безопасности способствует практике, направленной на укрепление самообеспеченности местного населения, что в основном выражается в усилиях по укреплению устойчивости.

Устойчивость может быть определена как имеющая важное значение для решения разнообразных угроз гуманитарной безопасности в Сахеле. Например, Региональный План Действий подчеркивает, что проблемы засухи, изменения климата и здравоохранения будут по-прежнему влиять на растущее местное население, и существует настоятельная необходимость устранить основные уязвимости и повысить устойчивость к будущим потрясениям (ввиду климатических проблем и конфликтов) на национальном и уровнях общества, с мероприятиями, охватывающими социальную защиту, продовольственную безопасность, питание и средства к существованию [3].

Таким образом, «повышению устойчивости к будущим потрясениям» придается «критическое» значение. Кроме того, эта идея представлена в качестве механизма решения многоуровневых угроз гуманитарной безопасности, с которыми сталкивается население Сахеля. Однако эти действия не фокусируются на характере угроз или «потрясений», а, скорее, на «основных уязвимостях» тех, кто пострадал.

Чтобы прервать цикл чрезвычайных ситуаций, правительствам и международным организациям по оказанию помощи крайне важно повысить устойчивость наиболее уязвимых групп населения» [3]. ЕС осознает недостаточность нынешних усилий по устранению кризисов и тот факт, что население Сахеля оказывается в «цикле чрезвычайных ситуаций» или, как М. Даффилд выразился, в «постоянном чрезвычайном положении». Европейская комиссия также признает, что эти условия будут осложняться, поскольку «изменение климата и рост населения, скорее всего, усугубят их частоту и серьезность» [3].

Гуманитарная безопасность является более чем риторической концепцией и четко проявляется в усилиях ЕС по повышению безопасности и стабильности на региональном уровне. Хотя ЕС по-прежнему сосредоточен на наборе основных видов деятельности (верховенство права, укрепление институционального потенциала, гуманитарная помощь, преодоление конфликтов), программы и проекты адаптированы к конкретным потребностям стран. Это отражается в том, что можно считать всеобъемлющим подходом: начало или эскалация конфликта вызывает не только дополнительные ответные меры, связанные с конфликтом (например, военная и / или гражданская миссия ОПБО), но и переоценку всего пакета существующих политик. Это наиболее очевидно в отношении Сахеля.

ЕС удовлетворяет самые непосредственные потребности в выживании населения, находящегося под угрозой, поскольку он и сам отчасти зависит от необходимости создания институциональной устойчивости стран-соседей.

Это также указывает на то, что ЕС подкрепляет гуманитарную безопасность инструментальным путем для достижения своих собственных интересов безопасности. Таким образом, гибкость ЕС в принятии подхода в области гуманитарной безопасности зависит от степени угрозы его собственным интересам. Это становится ясным в контексте нашего сравнительного анализа в Сахеле, где интересы безопасности ЕС значительно больше поставлены на карту, чем в других регионах.

\*\*\*

Гуманитарная безопасность является новой категорией в политике безопасности Европейского Союза, она широко распространена в его практиках в Сахеле [6].

Расширение нашей аналитической линзы на Сахель, а не на отдельные государства, подтверждается гибким европейским подходом к региону, что, в свою очередь, приводит к интеграции политики и миссий ЕС в комплексный региональный подход. Угрозы гуманитарной безопасности в регионе Сахеля касаются многих областей, таких как, например, окружающая среда, продовольствие или конфликты. Во многом они представляют опасность для международной стабильности и безопасности ЕС, например, нелегальная миграция или экстремизм.

Рассмотрев политику гуманитарной безопасности ЕС для Сахеля через призму биополитики, можно проследить, как Евросоюз участвует в воспроизведении биополитического разделения между «застрахованной» и «незастрахованной» жизнью, т.е. слабыми и развитыми государствами. Опираясь на работы М. Даффилда, можно сделать вывод, что дискурс гуманитарной безопасности создает условия, позволяющие углубить это разделение, рассматривая население Сахеля как управляемые объекты, в отношении которых проводится политика по обеспечению ГБ, а ЕС - как актор влияния на них. Недоразвитость универсализируется или проблематизируется не только как угрожающая гуманитарной безопасности населения Сахеля, но и безопасности и стабильности ЕС. Кроме того, Сахель воспринимается как неспособный гарантировать безопасность своих групп населения, в то время как ЕС представляется компетентным или даже ответственным за его поддержку. Следовательно, суверенитет государств Сахеля оказывается условным, поскольку они утрачивают суверенную компетенцию действовать в отношении соответствующих групп населения, что позволяет другим субъектам, таким как ЕС, выполнять эту функцию.

Между тем подобный подход при всей его аналитической полезности нельзя назвать практически обоснованным. Рассматривая гуманитарную безопасность как инструмент «колонизирующего» дискурса, который лишь усиливает неравенство, а человека как объект, а не субъект безопасности, биополитика теряет основной смысл концепции. Основное ядро гуманитарной безопасности – самополагание, самоцелостность, уверенность человека в своих собственных силах, т.е. первичность и незыблемость его роли, а не только в более широких категориальных рамках сообщества, населения, группы.

Кроме того, выявленные в документах ЕС угрозы населению Сахеля требуют новых форм централизации и взаимосвязи между различными

заинтересованными сторонами. Хотя призывы к сотрудничеству и координации в подходе ЕС к Сахелю в значительной степени связаны с межгосударственным уровнем, ссылки на важность большей координации и сотрудничества можно найти как в Стратегии в отношении Сахеля, так и в Региональном Плане Действий. И важно, что в документах предусматривается принятие и реализация комплексного подхода.

Угрозы безопасности в Сахеле, а также их политика по нейтрализации/предотвращению угроз, по обеспечению ГБ, носят транснациональный характер (и влияют не только на ЕС) и, кроме того, отличаются интенсивностью от одной страны к другой. На уровне международного сообщества (включая ЕС) также недостаточно согласованных и систематических действий, связывающих политические аспекты, аспекты безопасности и развития [4]. Следовательно, этот «транснациональный характер» угроз, возникающих из-за пористости границ сахельских государств, а также отсутствия политического диалога в регионе, влияет на европейский подход в регионе. Это становится еще более очевидным в Региональном Плане Действий, что особенно подчеркивает важность межгосударственной координации в международных и региональных организациях, таких как Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Африканский союз (АС) или ООН [3].

Поэтому во внешнеполитических практиках Европейского Союза в отношении Сахеля очевидно слияние идей безопасности и развития, а гуманитарная безопасность внедряется как принцип внешней политики ЕС.

В политике ЕС в отношении Сахеля присутствует как дискурс гуманитарной безопасности, которая является безусловной целью европейской политики в регионе, так и элементы биополитики, поскольку политика ЕС во многом направлена не просто на облегчение страданий и повышение качества жизни людей, но и на повышение безопасности самого Союза.

Рассмотрение политики ЕС исключительно в постколониальном, биополитическом дискурсе было бы недостаточным, так как Союз нельзя упрекнуть в лицемерии при достижении гуманитарной безопасности. Нормативная сила ЕС как уникального образования не позволяет ЕС считать себя в безопасности, пока в других странах и регионах мира люди находятся под влиянием многочисленных угроз.

Отвечая на ключевой вопрос исследования, отметим, что ЕС является уникальным политическим образованием, который в своих политических практиках в Сахельском регионе следует особому подходу – интерпретации

гуманитарной безопасности с элементами биополитики. Оба понятия являются следствием развития либерализма, где идея примата человека и его защиты от угроз является ядром обеих парадигм. Тем не менее точкой расхождения является взгляд на вопрос развития. Политика обеспечения гуманитарной безопасности строится вокруг идеи «добродетели», невозможности жить, пока многие люди находятся в состоянии незащищенности, а биополитика – вокруг прагматичных идей управления. Квинтэссенции они достигли в политике ЕС в отношении Сахельского региона, который, как «капля в море», отражает весь спектр отношений Европейского Союза со странами постколониальной Африки.

**Список литературы и источников:**

1. Европейская стратегия безопасности. Безопасная Европа в лучшем мире <https://www.consilium.europa.eu/media/30825/qc7809568ruc.pdf>
2. Christou G. (2014). The European Union's Human Security Discourse: Where are we now? *European Security*, 23(3), 364-381. doi:10.1080/09662839.2014.884075;
3. European Commission (2015). AGIR - Building Resilience in the Sahel & West Africa. URL: [http://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/sahel\\_agir\\_en.pdf](http://ec.europa.eu/echo/files/aid/countries/factsheets/sahel_agir_en.pdf)
4. European Union External Action Service. (2011). Strategy for Security and Development in the Sahel. URL: [http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel\\_strategy\\_en.pdf](http://eeas.europa.eu/archives/docs/africa/docs/sahel_strategy_en.pdf)
5. European Union External Action Service. (2016). Factsheet: EU Relations with Sahel Countries. URL: [http://eeas.europa.eu/archives/docs/factsheets/docs/sahel-european-union-factsheet\\_en.pdf](http://eeas.europa.eu/archives/docs/factsheets/docs/sahel-european-union-factsheet_en.pdf)
6. Kartsonaki, A., Wolff S. (2015). The EU's Responses to Conflicts in its Wider Neighbourhood: Human or European Security? *Global Society*, 29(2), 199-226. doi:10.1080/13600826.2015.1021242.
7. Martin, M., Owen T. (2010). The Second Generation of Human Security: Lessons from the UN and EU Experience. *International Affairs*, 86(1), 211-224. doi:10.1111/j.1468-2346.2010.00876.x
8. Simon, L., Mattelaer, A., & Hadfield, A. (2012). A Coherent EU Strategy for the Sahel. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPODEV\\_ET\(2012\)433778\\_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2012/433778/EXPODEV_ET(2012)433778_EN.pdf)

9. Thompson B. C. (2016). The European Union's Human Security Discourse. *The Korean Journal of International Studies*, 14(1), 161-188. doi:10.14731/kjis.2016.4.14.1.161.
10. Youngs R. (2008). Fusing Security and Development: Just Another Europlatitude? *Journal of European Integration*, 30(3), 419-437. doi:10.1080/07036330802142079

**Воробьёва Юлия Владимировна,**  
Аспирант Дипломатической академии Министерства иностранных дел  
Российской Федерации  
E-mail: [iuliya.vorobeva@gmail.com](mailto:iuliya.vorobeva@gmail.com)

**Yulia V. Vorobieva,**  
Ph.D. Student at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs  
of the Russian Federation  
E-mail: [iuliya.vorobeva@gmail.com](mailto:iuliya.vorobeva@gmail.com)

**ИНИЦИАТИВА ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ВНЕДРЕНИЮ  
КОНЦЕПЦИИ «КУЛЬТУРНОГО МИРОТВОРЧЕСТВА»:  
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ**

**CONCEPT OF ITALIAN REPUBLIC ON “CULTURAL  
PEACEMAKING”: PERSPECTIVES AND CHALLENGES**

**Аннотация:** В статье рассмотрено современное состояние сферы охраны всемирного культурного наследия, а также предложение Итальянской Республики по укреплению и развитию указанного режима. Дана оценка инициативе Италии по внедрению «культурного миротворчества», возможному положительному эффекту, к которому может привести реализация этого предложения, а также тем препятствиям и сложностям, которые стоят на этом пути.

**Ключевые слова:** Италия, охрана культурного наследия, культурное миротворчество.

**Abstract:** The article deals with the current state of the protection of cultural heritage as well as the proposal of the Italian Republic to strengthen and develop this regime. There is also an assessment of Italy’s initiative to introduce “cultural peacekeeping”, the possible positive effect that the implementation of this proposal might have as well as the obstacles and difficulties that stand on its way.

**Key words:** Italy, protection of cultural heritage, cultural peacekeeping.

Стремительная секьюритизация сферы охраны культурного наследия в результате методичного разрушения культурных объектов террористическими организациями привела к поиску адекватных ответов и

способов противостояния этому новому виду угрозы со стороны международного сообщества. Разрушение материального воплощения коллективной идентичности, которое носит перформативный характер и распространяется через интернет, стало сильным элементом пропаганды ИГИЛ. Итальянская Республика разработала и выступила с концепцией «культурного миротворчества», которое является не только эффективным инструментом по защите культурного наследия в период вооруженных конфликтов и постконфликтного восстановления, но также и способом расширения мандата миротворческих операций за счет включения в него культурной составляющей и увеличения усилий международного сообщества по поддержанию мира и безопасности путем пресечения финансирования терроризма за счет незаконной торговли ценностями искусства.

Итальянские исследователи, профессора Университета г. Тренто Паоло Форадори и Паоло Роза, выделяют ряд преимуществ концепции, выдвинутой Италией [2].

Во-первых, «культурное миротворчество» действительно вносит большой вклад в защиту культурных объектов от повреждений и разрушения тем, что помогает привести в действие и усилить международный режим по охране культурного наследия, в частности, имплементацию Гаагской конвенции 1954 г. В особенно сложных ситуациях, как, например, ситуации в Ираке и Сирии, «культурное миротворчество» также может усилить традиционные методы охраны и восстановления культурных объектов, которые уже используются, но показывают свою ограниченную эффективность.

Во-вторых, интеграция культурной составляющей в мандат миротворческих операций может способствовать более доброжелательному отношению к миротворцам со стороны местного населения. Это предположение можно проиллюстрировать на примере Иракской войны 2003 г., когда, в результате неспособности миротворцев защитить культурные объекты и предотвратить разграбление Багдадского музея, незамедлительно последовала негативная реакция со стороны местного населения и полное разрушение едва появившегося доверия и поддержки действий миротворцев.

В-третьих, «культурное миротворчество» внесет большой вклад в борьбу с разграблением предметов культурного наследия и их незаконным вывозом из мест археологических раскопок, музеев, библиотек, архивов и т.д., а также с незаконной продажей этих ценностей на черном рынке.

В-четвертых, «культурное миротворчество» может способствовать более успешному и быстрому восстановлению и стабилизации социально-экономической ситуации на постконфликтной стадии. Реабилитация

культурного наследия может сыграть решающую роль в восстановлении структуры общества и служить основой для создания долгосрочного мира и безопасности [8]. Своевременная защита культурных объектов может помочь местному населению восстановиться наиболее мягким и быстрым способом, например, способствуя получению прибыли и повышению экономической стабильности за счет восстановления туристического сектора и создания соответствующих рабочих мест, как это произошло в Сирии [1].

В более широком смысле «культурное миротворчество» пользуется большой международной поддержкой, и потому мобилизация сил для таких миссий проходит значительно быстрее. Если абстрагироваться от радикальных и террористических группировок, которые в наши дни занимаются методическим уничтожением культурного наследия, и возвести эту проблему в ранг наиболее актуальных, то мировое культурное наследие является универсальной ценностью для всего человечества, а защита и охрана этого достояния является коллективной ответственностью всего мирового сообщества [11].

Из этого следует, что включение «культурного миротворчества» в миротворческие операции имеет значительный потенциал и является менее политически спорным, нежели любой другой тип международной интервенции, поскольку имеет благородную, аполитическую цель, способную объединить между собой государства с различными национальными интересами и внешнеполитическими приоритетами, как это было в ситуации с разрушением талибами Бамианских статуй Будды в Афганистане в 2001 г.

Кроме того, на внутривнутриполитическом поле размещение международных сил с мандатом, включающим спасение мирового наследия, может намного больше соответствовать пониманию «гуманитарности» операции, которое присутствует в правительствах и законодательных органах многих государств, чье одобрение инициативы необходимо для решения вопроса о направлении военного контингента за рубеж. В ситуации с Итальянской Республикой это именно так [4:183].

Несмотря на большое количество преимуществ концепции «культурного миротворчества», выдвинутой Итальянской Республикой, итальянские исследователи отмечают и ряд сложностей и вызовов, возникающих для ее реализации.

Во-первых, многие объекты культурного наследия представляют большую стратегическую важность и военную ценность для воюющих сторон, а потому для их охраны может потребоваться значительный международный военный контингент. Например, в случае Ирака и Сирии

многие объекты культурного наследия располагаются на возвышенностях, на перекрёстках важных дорог, около водоёмов и потому обладают повышенными стратегическими преимуществами, которые представляют непреходящую важность.

Именно поэтому культурным миротворческим силам будет весьма непросто балансировать между военной составляющей операции и «культурным» мандатом. В ситуациях Сирии и Ирака, на чьих территориях находится большое количество культурных объектов, можно ожидать таких сценариев, в которых цель защиты культурного наследия будет отложена из-за других насущных военных целей или в которых охрана культурных объектов противоречит или не вписывается в военную операцию по обезвреживанию врага и обеспечению безопасности местности [2:156].

Для того, чтобы «культурное миротворчество» было принято в международно-правовой режим охраны культурного наследия и начало эффективно действовать, необходимо проводить такую имплементацию с ясным осознанием, а лучше после полного устранения всех дефектов и пробелов в правовых основаниях функционирования этого режима. Бесчисленное количество разрушений мирового культурного наследия за последние 65 лет служит доказательством низкой эффективности Гаагской конвенции 1954 г., а множество недочетов и пробелов затрудняет приведение в исполнение положений этого политико-правового инструмента. Если говорить о миротворческих операциях, то, несмотря на то что в целом существует консенсус по вопросу обязательства миротворческих сил уважать объекты культурного наследия, все еще остается неясным и нерешенным вопрос, есть ли у них обязательство вмешиваться, если акты вандализма совершаются третьей стороной (не участвующей формально в конфликте). Мандат на «культурное миротворчество» должен четко, ясно и недвусмысленно заполнить все существующие правовые пробелы в этой области [10:186].

Другой потенциальной проблемой реализации концепции «культурного миротворчества» может стать соотношение и взаимодействие гражданского и военного секторов в составе миссии. Совершенно обязательным и необходимым для успеха «культурного миротворчества» является участие в составе миссии гражданского персонала: археологов, историков, антропологов. По мнению специалистов, такое военно-гражданское взаимодействие может вызвать немало сложностей, учитывая разный уровень образования, образ мышления, подготовленность, профессиональные привычки и обычаи [5:119]. На деле может оказаться, что сотрудничества между военными, миротворцами и археологами (а также

другими специалистами в области культуры и искусства) не так просто достичь, учитывая различие в их первичных целях и задачах, которые сложно совместить. Показательным примером могут служить страшные последствия англо-американского вторжения в Ирак в 2003 г.: даже самые могущественные и современные военные силы могут оказаться совершенно неготовыми к проведению операций в археологически чувствительных зонах и к предотвращению разграбления артефактов как в местах проведения операции, так и из объектов хранения этих артефактов (например, Багдадский музей) [9:3].

В связи с появлением концепции «культурного миротворчества» критики высказывают предположение, что она представляет собой не более чем новое название для неокOLONИализма [3:50]. Исследователи отмечают, что, учитывая колониальное, империалистическое прошлое западных держав, террористические группировки могут легко представить «культурное миротворчество» как новый вид «цивилизационной миссии» по распространению западных ценностей [7:645]. При неудачном исходе плохо спланированной и организованной операции террористы могут интерпретировать ситуацию себе на пользу, представляя культурную миротворческую миссию как войну против исламской цивилизации, как вторжение новых крестоносцев [2:158].

Кроме того, для успеха реализации миссии «культурного миротворчества» необходимо размещение наземных формирований, однако западные страны и особенно США, боясь увязнуть в очередной дорогостоящей и бесперспективной ближневосточной операции, выражают нежелание направлять наземные войска в Сирию.

Таким образом, интеграция культурного компонента в миротворческие операции является важным инновационным элементом. Выдвинутая Италией концепция «культурного миротворчества» при качественном планировании и ответственной реализации может способствовать повышению эффективности международных усилий в борьбе с международным терроризмом, в осуществлении миротворческих миссий и миссий по поддержанию мира и безопасности. Вместе с тем неудачный исход миссии «культурного миротворчества» может повлечь ухудшение ситуации в регионе, снизить уровень безопасности, а также эта миссия может быть использована террористическими ячейками в своих пропагандистских целях. Кроме того, миссии «культурного миротворчества» могут достичь поставленных целей, только если они запланированы и реализованы как компонент более широкой, масштабной стратегии по защите и охране мирового культурного наследия [6:34].

**Список использованных источников и литературы:**

1. Foliant Y. Cultural Property Protection Makes Sense: A Way to Improve Your Mission. First Edition. Civil-Military Cooperation Centre of Excellence (CCOE) 2015. Режим доступа: <https://www.cimic-coe.org/wp-content/uploads/2015/11/ CPP-Makes-Sense-final-version-29-10-15.pdf> (дата обращения: 19.11.2018 ).
2. Foradori P., Rosa P. Expanding the peacekeeping agenda. The protection of cultural heritage in war-torn societies. *Global Change, Peace & Security*, 29:2, 2017. P. 145-160.
3. Hamilakis Y. The “War on Terror” and the Military– Archaeology Complex: Iraq, Ethics, and Neo-Colonialism. *Archaeologies: The Journal of the World Archaeological Congress*, 5 (1),2009. PP. 39-65.
4. Ignazi P., Giacomello G., Coticchia F. Italian Military Operations Abroad: Just Don’t Call It War. Palgrave Macmillan. February 2012.
5. Kila J. D., Herndon C.V. Military Involvement in Cultural Property Protection: An Overview. *Joint Force Quarterly* 74, 3rd Quarter 2014. PP.116-123.
6. Mackenzie S., Green P. Criminalising the Market in Illicit Antiquities. An Evaluation of the Dealing in Cultural Objects (Offences) Act 2003 in England and Wales. *Criminology and Archaeology: Studies in Looted Antiquities*. ed. / S Mackenzie; P Green. Hart Publishing, 2009. p. 14 - 56.
7. Paris R. International peacebuilding and the ‘mission civilisatrice’. *Review of International Studies* (2002), 28. PP.637–656.
8. Report of the International Conference “Heritage and Cultural Diversity at Risk in Iraq and Syria” UNESCO Headquarters, Paris, 3 December 2014. P.23. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002325/232562e.pdf>
9. Rush L. W. Archaeology and the Military: An Introduction // *Archaeology, Cultural Property, and the Military*. The Boydell Press; Reprint edition (September 20, 2012). PP.224.
10. Van der Auwera S. International Law and the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict: Actual Problems and Challenges. *The Journal of Arts Management, Law, and Society*, Volume 43, 2013 - Issue 4. PP. 175-190.
11. Преамбула Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 26.11.2018).

## ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

### **Лесников Геннадий Юрьевич**

Доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний  
Российской Федерации  
E-mail: [lesnikov07@rambler.ru](mailto:lesnikov07@rambler.ru)

### **Ляхов Евгений Григорьевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права  
Российской таможенной Академии, профессор кафедры международного  
права Дипломатической Академии МИД России  
E-mail: [kmp506@mail.ru](mailto:kmp506@mail.ru)

### **Тарасова Светлана Сергеевна**

Прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного  
управления прокуратуры г. Москвы,  
аспирант Российской таможенной академии  
E-mail: [kmp506@mail.ru](mailto:kmp506@mail.ru)

### **Gennady Yu. Lesnikov**

Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Scientific Research  
Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation  
E-mail: [lesnikov07@rambler.ru](mailto:lesnikov07@rambler.ru)

### **Evgeny G. Lyakhov**

Doctor of Law, Professor of the Department of International Law at the Russian  
Customs Academy, Professor of the Department of International Law at the  
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
E-mail: [kmp506@mail.ru](mailto:kmp506@mail.ru)

### **Svetlana S. Tarasova**

Public Prosecutor of the Department of Criminal Justice Prosecutors at the  
Moscow Prosecutor's Office, Ph.D. Student of the Russian Customs Academy  
E-mail: [kmp506@mail.ru](mailto:kmp506@mail.ru)

## **К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК**

ОСНОВЕ И РЕЗУЛЬТАТУ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ  
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

ON FORMATION OF INSTITUTIONS OF PROTECTION OF  
PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS BASIS AND RESULT  
OF NATIONAL AND INTERNATIONAL  
CRIMINAL POLICY

**Аннотация:** Статья посвящена формированию нормативной составляющей региональной международной уголовной политики и ее соотношению с нормами национального и международного права, а также вопросам защиты участников уголовного судопроизводства

**Ключевые слова:** уголовная политика; антикриминальная политика; преступления; защита лиц, норма; нормативный акт; институт выдачи.

**Annotation:** The article is devoted to the formation of the regulatory component of the regional international criminal policy and its relations with national and international law, and the protection of participants in criminal proceedings

**Keywords:** criminal policy; anti-crime; crime; protection of persons, the rate; normative act; institute of issue.

К нормативно-правовым началам, являющимся одновременно основой и результатом национальной и международной уголовной политики, относятся нормы и принципы национального и международного права, обеспечивающие защиту участников уголовного судопроизводства (потерпевших, свидетелей, лиц, сотрудничающих со следствием и т.п.). Особую категорию таких подзащитных составляют (должны составлять) участники (их семьи и близкие) контртеррористических операций, а также операций международных миротворческих сил, направленных против организованной преступности и имеющих целью декриминализацию целых регионов государства и мирового сообщества (Ближний Восток, Север Африки, Средняя Азия и др.).

В данном случае можно говорить о формировании правового и международно-правового институтов защиты лиц, соприкоснувшихся с уголовным правосудием. И шире: это связано в той или иной форме и мере с проведением в жизнь национальной и/или международной уголовной политики.

Согласно общей теории права и государства, правовой институт – это группа норм определенной отрасли права, регулирующая однородные, сходные (близкие) по значению общественные отношения (в конституционном праве, например, институт президентства, в международном праве – комплексный институт выдачи (экстрадиции)).

Представляется, что к нормам формирующегося в России национального (внутригосударственного) института защиты лиц, соприкоснувшихся с уголовным судопроизводством, следует отнести:

- Конституцию Российской Федерации;
- положения Закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (2004);
- положения Закона «О противодействии терроризму» (2006);
- положения Указа Президента России 2006 г. «О мерах по противодействию терроризму».

Эти нормативные акты с соответствующими изменениями и дополнениями, отражающими этапы современного развития и осуществления национальной и международной уголовной политики, содержат центральные положения, определяющие основную политику и практику защиты соответствующих лиц. Кроме того, значимые положения нормативно-правового и организационного характера содержатся в подзаконных актах – в постановлениях Правительства, приказах и инструкциях министров (например, МВД России, Минфина и др.).

Институт защиты – развивающийся правовой институт, представляющий определенную совокупность правовых норм Закона и подзаконных актов. Это вполне объяснимо, так как речь в данном случае идет о жизни и здоровье людей, а также о реализации центрального принципа борьбы с преступностью на национальном и международном уровнях – принципа неотвратимости ответственности за совершенное преступление.

Вместе с тем, по нашему мнению, этот институт должен пополняться нормами, обеспечивающими защиту и иных лиц.

Во-первых, речь должна идти о защите лиц, соприкоснувшихся с военным судопроизводством (национальным и международным), то есть связанных с борьбой с преступлениями против правил и обычаев ведения войны.

Во-вторых, имеется в виду защита лиц, которые изображаются криминальными группировками (с помощью фото-, видео- и звукового монтажа) преступниками, якобы скомпрометировавшими себя, в целях их последующего осуждения судами или отстранения под названными

предложениями от активного участия в противодействии терроризму и иным преступлениям.

Если на уровне высших должностных лиц государства, субъектов политических систем правовая, физическая и моральная безопасность обеспечивается во время и после нахождения в должности, то лица среднего и исполнительного звена госорганов и политических структур, после ухода из последних, защите не подлежат и могут быть подвержены влиянию организованных групп лиц, в конфликт или борьбу с которыми они вступали ранее, находясь на службе. Информационно-психологическая и физическая безопасность, конечно, разного уровня должна быть пожизненной и для сотрудников правоохранительных органов, особенно для тех, кто участвовал в контртеррористических операциях, и для членов их семей.

Назрел вопрос и об организации защиты научных сотрудников, преподавателей, лиц начальствующего состава, слушателей и курсантов учебных заведений, готовящих кадры для участия в борьбе с преступностью и терроризмом.

Обратимся к международным соглашениям в области защиты соответствующих лиц.

К источникам этого международно-правового института следует отнести:

- положения Уставов Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов;
- положения Договора о трибунале в Руанде;
- положения Устава Трибунала для бывшей Югославии;
- положения Римского Статута Международного уголовного Суда;
- положения соответствующих договоров, разработанных Советом Европы; положения конвенции СНГ о защите лиц, соприкоснувшихся с уголовным правосудием (2006).

В марте 2007 г. на I международной конференции по вопросам защиты потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве вполне обоснованно уже высказывалось предложение о разработке специальной международной конвенции о защите всех участников уголовного судопроизводства, что представляется крайне необходимым, так как речь должна идти о систематизации (возможно, со временем кодификации) норм и принципов международно-правового комплексного института норм о защите соответствующих категорий лиц.

В настоящее время (2018 г.) наиболее четко соответствующие положения сформулированы в ст. 68 Римского Статута Международного

уголовного суда: «Защита потерпевших, свидетелей и их участие в разбирательстве».

Пункт 1 ст. 68 гласит: «Суд принимает надлежащие меры для защиты безопасности, физического и психологического благополучия, достоинства и неприкосновенности личной жизни потерпевших и свидетелей». При этом Суд учитывает все соответствующие факторы, в том числе возраст, гендерный фактор, как это определено в п. 3 ст. 7, и состояние здоровья, а также характер преступления, и, в частности, то обстоятельство (но не ограничиваясь этим), что преступление включало сексуальное насилие или насилие в отношении детей. Прокурор принимает такие меры, в особенности при проведении расследования за эти преступления. Эти меры не должны наносить ущерб правам обвиняемого или быть несовместимыми с ними, а также наносить ущерб проведению справедливого и беспристрастного судебного разбирательства.

Пункт 2 ст. 68 говорит о методах защиты потерпевших и свидетелей: как исключение из принципа проведения открытых слушаний, предусмотренного в ст. 67, палаты Суда могут для защиты потерпевших и свидетелей или обвиняемого провести любую часть разбирательства *in camera* или разрешить предоставить доказательства с помощью электронных или иных специальных средств. Такие меры принимаются в случае, когда речь идет о жертве сексуального насилия или ребенке, который является потерпевшим или свидетелем, если Судом не предписано иное, с учетом всех обстоятельств, в особенности мнения такого потерпевшего или свидетеля.

Специальная группа по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям может рекомендовать прокурору МУС и Суду соответствующие меры защиты (ч. 4 ст. 68.).

Пункт 6 ст. 68 определяет: «Государство может обратиться с просьбой о принятии необходимых мер, обеспечивающих защиту его служащих или представителей, а также мер по защите конфиденциальной и чувствительной информации».

Формирование международно-правового института защиты лиц, соприкоснувшихся с уголовным правосудием, безусловно, продолжится, предстоит большая работа по «состыковке» национальных (внутригосударственных) правовых институтов защиты соответствующих лиц и международно-правового института. Однако это лишь одно из направлений международной уголовной политики.

Чем успешнее будет идти формирование и функционирование такого рода правовых институтов, тем эффективнее и авторитетнее будет содержание национальных (внутригосударственных) уголовных

(антикриминальных) политик и, соответственно, их связь с международной  
(антикриминальной) политикой.

**Гуляева Елена Евгеньевна**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права  
Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской  
Федерации

E-mail: [gulya-eva@yandex.ru](mailto:gulya-eva@yandex.ru)

**Elena E. Gulyaeva**

Ph.D. (Law), Associate Professor of the Department of International Law at the  
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

E-mail: [gulya-eva@yandex.ru](mailto:gulya-eva@yandex.ru)

**ПРИМЕНЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ГОРИЗОНТАЛЬНОГО ЭФФЕКТА  
ПРАВ (DRITTWIRKUNG)» К ПРАВУ НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ  
НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ПО КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ  
ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД 1950 Г.**

**APPLYING CONCEPT OF “HORIZONTAL EFFECT OF RIGHTS  
(DRITTWIRKUNG)” TO THE RIGHT TO LIBERTY AND SECURITY OF  
PERSON UNDER 1950 CONVENTION FOR PROTECTION OF HUMAN  
RIGHTS AND FUNDAMENTAL FREEDOMS**

**Аннотация:** Статья посвящена применению концепции «горизонтального эффекта прав (Drittwirkung)» к праву на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Автор уделяет особое внимание анализу вопроса о предметных, пространственных, временных и «субъектных» пределах права на свободу и личную неприкосновенность. В статье проанализированы позитивные обязательства государства.

**Ключевые слова:** право на свободу и личную неприкосновенность, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Европейский Суд по правам человека, концепция «горизонтальный эффект прав», свобода усмотрения, позитивные обязательства.

**Abstract:** Article devotes to the application of the doctrine of the “horizontal effect of rights (Drittwirkung)” to the right to liberty and security of person in accordance with the Convention of 1950. The author investigates the concept and system of restrictions to the right of liberty and security of a person, considers the meaning and content of the legal criteria for restriction of the right to

liberty and security of a person. Particular attention is paid to the analysis of the content of the legal grounds of limitation of the right to liberty and security of a person in accordance with Article 5 of the Convention in 1950 on the basis of case-law of the European Court of Human Rights.

**Keywords:** Right to Liberty and Security of Person, Convention For the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, European Court of Human Rights, Margin of Appreciation, Margin of Appreciation, Positive Obligations, Drittwirkung doctrine.

Для определения содержания того или иного права необходимо, прежде всего, обратиться к вопросу о пределах (сфере) его действия. При этом говорить о пределах как такового права на свободу и личную неприкосновенность, на мой взгляд, не имеет смысла в силу чрезвычайной широты и значительной неопределенности данного вопроса. Разрешение подобной задачи в отрыве от анализа конкретных правовых гарантий данного права неизбежно переместило бы исследователя из юридического научного поля в область философии. В рамках же настоящего исследования ставится задача определить пределы права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция), а, соответственно, речь пойдет о пределах действия соответствующей гарантии – ст. 5 Конвенции.

Под «пределами права» в российской научной литературе понимаются «границы признаваемой и защищаемой свободы» [10] лица, а также установление рамок юридического содержания права человека [5]. Под пределами (или сферой действия) гарантированного Конвенцией права на свободу и личную неприкосновенность в настоящей работе понимается действие в предметном отношении, а равно во времени, в пространстве и по кругу лиц положений Конвенции, закрепляющих данное право, а также гарантии его осуществления и правовые основания его ограничения, с учетом соответствующих правовых позиций Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд). Таким образом, уместно говорить о предметных, пространственных, временных и «субъектных» пределах права на свободу и личную неприкосновенность.

Рассмотрение вопроса о пределах права на свободу и личную неприкосновенность имеет как материальный, так и процессуальный аспект. С точки зрения материального аспекта, пределы данного права определяют содержание соответствующего элемента правового статуса каждого лица, охваченного действием Конвенции. Процессуальный аспект закономерно «вытекает» из материального и касается предмета потенциального

обжалования тех или иных действий государств как в ЕСПЧ, так и во внутригосударственном правопорядке тех государств, которые предусматривают прямое действие норм Конвенции. Так процессуальный аспект применительно к рассмотрению жалоб в ЕСПЧ раскрывается в рамках исследования Судом вопроса о том, имел ли место факт вмешательства в осуществление данного права. Разрешение данного вопроса, по сути, представляет собой анализ соответствия жалобы положениям Конвенции, в том числе с точки зрения соответствующих условий – *ratione materiae*, *ratione temporis*, *ratione personae*, *ratione loci* [2].

Каждая из выделенных граней пределов права на свободу и личную неприкосновенность – предметная, временная, пространственная и «субъектная» - имеет различную степень «уникальности» по отношению к сфере действия других гарантированных Конвенцией прав. В настоящей работе особое внимание будет уделено именно соответствующим особенностям рассматриваемого права, в меньшей же степени будут учитываться параметры, являющиеся общими для всех конвенционных прав и свобод.

Применительно к исследуемому вопросу представляется необходимым затронуть такую дискуссионную для международных прав человека концепцию, как концепция «горизонтального эффекта прав», известную в зарубежной науке как теория «*Drittwirkung*» [11; 29; 33]. Согласно одному из подходов к данной теории, положения, касающиеся прав человека, также применяются к регулированию отношений между частными лицами, а не только к отношениям между индивидом и государственными властями [34]. Конвенция напрямую не закрепляет положений, свидетельствующих о применимости к гарантированным ею правам данной теории, однако, выявляя косвенные свидетельства справедливости теории применительно к Конвенции, ее сторонники ссылаются на положения ст. 1, 13 и 17 Конвенции [30]. Тем не менее в науке можно также встретить и критику такого подхода [34].

Внимание же (пусть и незначительное) к данной теории в рамках настоящей работы обусловлено ее социальной привлекательностью, состоящей в том, что общественные отношения, являющиеся сферой реализации прав и свобод человека в реальной жизни, безусловно, не ограничены «вертикальными» рамками «государство – человек». В связи с этим было бы недопустимым считать, что право человека на свободу и личную неприкосновенность как таковое не корреспондирует в равной степени как обязанностям государства по воздержанию от произвольного вмешательства в данное право, так и соответствующей обязанности других

людей. Вопрос лишь в том, считать ли данное положение справедливым именно для права, имеющего международно-правовой источник закрепления, в данном случае Конвенцию. Таким образом, не ставя перед собой задачу в рамках настоящей работы раскрыть полностью содержание данной теории и соответствующее различие в научных подходах к ее справедливости, все же необходимо рассмотреть возможность приложения основных ее положений к анализу сферы действия ст. 5 Конвенции.

В контексте данной теории применительно к праву на свободу и личную неприкосновенность в общем виде может быть поставлен следующий вопрос: каким образом гарантии ст. 5 Конвенции распространяют свое действие на защиту лиц от лишения их свободы в результате действий не государства, а частных лиц?

Комиссия ранее уже высказала свою позицию и указала, что подп. «а»-«f» п. 1 ст. 5 Конвенции охватывают лишь те случаи, когда лицо лишается свободы государством или когда государство иным образом является ответственным за лишение лица свободы [12]. Напрямую «горизонтальное действие» гарантий, предусмотренных ст. 5 Конвенции (а равно иными статьями Конвенции, закрепляющими права и свободы человека), исключается в силу самой природы Конвенции как международного договора. В соответствии со ст. 1 Конвенции, обязанности по обеспечению определенных в ней прав и свобод возлагаются на государства. Вслед за данным утверждением, соответственно, необходимо категорически исключить и возможность прямого воздействия на соблюдение права на свободу и личную неприкосновенность в отношениях между частными лицами через предусмотренную Конвенцией процедуру рассмотрения индивидуальных жалоб<sup>5</sup>.

Тем не менее, на мой взгляд, косвенное действие предусмотренных ст. 5 Конвенции гарантий в отношениях между частными лицами все же можно проследить. Данный вывод связан с вопросом о наличии у государств позитивных обязательств [8; 4; 28; 32] по обеспечению права на свободу и личную неприкосновенность. Поскольку данный вопрос имеет более широкое значение для рассмотрения пределов действия ст. 5 Конвенции, чем контекст рассматриваемой теории, далее будут анализироваться различные

---

<sup>5</sup> Речь идет о том, что жалоба в ЕСПЧ может быть подана только в отношении государства (и ни в коем случае в отношении частных лиц) в соответствии со ст. ст. 33, 34 Конвенции. Не следует при этом путать в данном случае частных лиц, действующих в частном качестве, и частных лиц, которые согласно закону наделены определенными функциями государственной власти. Применительно к последним в литературе отмечается наличие обязанностей на основании ст. 5 Конвенции, абсолютно аналогичных по своему содержанию обязанностям правоохранительных органов. [3]

позитивные обязательства, возникающие у государств на основании данной статьи Конвенции, а в рамках одного из примеров речь пойдет и о «горизонтальном действии» предусмотренных ею гарантий.

Свобода усмотрения по осуществлению вмешательства в права и свободы, гарантированные Конвенцией, в определенной степени ограничена наличием у государств так называемых позитивных обязательств<sup>6</sup>. Согласно устоявшейся практике ЕСПЧ, наряду с обязательствами негативного порядка (обязанность воздерживаться от совершения действий, нарушающих гарантированные права), Конвенция налагает на участвующие в ней государства определенные обязательства позитивного характера, которые являются следствием ст. 1 Конвенции, закрепляющей обязанность Высоких Договаривающихся Сторон «обеспечивать каждому ... права и свободы, закрепленные в ... Конвенции». В большей или меньшей степени определенные позитивные обязательства присущи каждому праву, гарантированному Конвенцией, и предполагают установление государством определенных законодательных стандартов для обеспечения того или иного права, обеспечение организации и деятельности институциональных механизмов (в частности, правоохранительных органов, наделенных необходимой компетенцией) и т.д.

В делах, связанных с нарушением таких фундаментальных прав и свобод, как право на жизнь (ст. 2 Конвенции) и право на свободу от пыток (ст. 3 Конвенции), особое внимание Суд уделяет анализу соблюдения позитивных обязательств процедурного характера, которые включают обязанность государства провести эффективное расследование предполагаемых нарушений таких прав [31]. При этом сам факт нарушения такого процедурного обязательства, по мнению ЕСПЧ, уже свидетельствует о нарушении соответствующего права, и практика по делам, в частности, против России в этом отношении достаточно показательна [19; 24; 22].

Возвращаясь к рассмотрению ст. 5 Конвенции, следует отметить, что обеспечение права на свободу и личную неприкосновенность также обременено определенными позитивными обязательствами, в том числе и процедурного характера [1]. Данный вывод может быть сделан на основе анализа практики ЕСПЧ, хотя напрямую сам Суд о позитивных обязательствах в контексте ст. 5 Конвенции не говорит.

Так, в ряде своих постановлений по «российским» делам ЕСПЧ признал нарушение в целом ст. 5 Конвенции по причине того, что

---

<sup>6</sup> Аналогичный подход по отношению к обязательствам государств на основании Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года применяет в своей практике Комитет по правам человека [26; 27].

задержание заявителей не было ни оформлено протоколом, ни каким-либо иным образом зарегистрировано [20; 18; 13]. В таких делах Суд отмечает, что основная цель гарантий, содержащихся в ст. 5 Конвенции, заключается в обеспечении права человека в условиях демократии быть свободным от произвольного вмешательства [23], и в связи с этим незарегистрированное заключение под стражу является полным отрицанием имеющих первостепенную важность гарантий, содержащихся в ст. 5 Конвенции, и представляет наиболее серьезное нарушение этой статьи<sup>7</sup>. Данная позиция ЕСПЧ позволяет сделать вывод о том, что важным обязательством, относящимся к категории позитивных и имеющим процедурный характер, является регистрация задержания и/или заключения лица под стражу, независимо от того, на основании какого из подпунктов п. 1 ст. 5 Конвенции оно осуществляется.

Поскольку в ряде дел из тех, которые связаны с незарегистрированным задержанием лиц, речь идет о последующем исчезновении данных лиц, ЕСПЧ отмечает, что, учитывая ответственность властей за содержание лиц под своим контролем, ст. 5 Конвенции требует, чтобы они принимали действенные меры против риска исчезновения людей и проводили тщательное и эффективное расследование любого обоснованного заявления о том, что лицо было задержано, и с тех пор его никто не видел [21]. Серьезность такого нарушения объясняется также тем, что оно позволяет ответственным за задержание лицам скрыть свое участие в преступлении, уничтожить его следы и избежать ответственности за судьбу задержанного лица [23; 15]. Данная позиция позволяет сделать достаточно обширные выводы, которые при применении к рассматриваемой статье Конвенции подхода, аналогичного подходу Суда к позитивным обязательствам по ст. 2 и 3 Конвенции, свидетельствуют о том, что ст. 5 Конвенции налагает на государства позитивные обязательства, направленные на предотвращение риска исчезновения людей, независимо от того, исходит ли риск от действий самого государства или частных лиц (как правило, неустановленных лиц)<sup>8</sup>.

---

<sup>7</sup> В подобных случаях ЕСПЧ отмечает, что отсутствие документа, содержащего информацию о дате, времени и месте задержания лица, его имя, основания для задержания и имя человека, осуществляющего задержание, должны рассматриваться как несоответствующие требованиям законности и самой цели ст. 5 Конвенции. [13; 17; 18; 23]

<sup>8</sup> В связи с этим следует отметить, что в соответствии с положениями Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 года, арест, задержание и похищение представляют собой формы лишения свободы, независимо от того, осуществляются ли они «представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона». [7]

Рассматривая данный пример, можно вернуться и к вопросу о действии гарантий, предусмотренных ст. 5 Конвенции, применительно к отношениям между частными лицами. Не налагая на последних каких-либо обязательств, Конвенция требует от государств обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность, включая принятие мер по защите от неправомерного вмешательства в данное право и со стороны частных лиц. Подтверждением данной позиции может служить также вывод Суда, изложенный в постановлении по делу «*Riera Blume and Others v. Spain*», в обстоятельствах которого было установлено, что власти проявили «терпимость», бездействие в отношении лишения свободы заявителей, которое было осуществлено частными лицами (родственниками заявителей) для применения психологических мер, направленных на «вызволение» заявителей из религиозной секты [16].

О каких мерах идет речь в рамках выявленного позитивного обязательства? На этот счет государство также обладает свободой усмотрения, однако очевидно, что данные меры должны носить и законодательный, и организационно-правовой, и правоприменительный характер. В литературе отмечается: «в современных межгосударственных отношениях имплементация прав человека осуществляется законодательными, административными и иными средствами, имеющимися в распоряжении государств» [9]. Исчерпывающего перечня соответствующих мер по известным причинам составить невозможно, и соответствующие вопросы всегда должны рассматриваться в обстоятельствах конкретных дел, но некоторые примеры из практики ЕСПЧ все же могут быть приведены.

Так, в частности, государства несут и позитивные обязательства, касающиеся содержания мест нахождения под стражей задержанных лиц. Особое внимание на данный факт Суд обратил в деле «*Bitiyeva and X vs Russia*», в котором был затронут вопрос о правовом статусе следственного изолятора, расположенного в пос. Чернокозово Чеченской республики. Анализируя документы о статусе данного учреждения, представленные российскими властями, а также документы, подготовленные по данному вопросу Европейским Комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [6], ЕСПЧ посчитал немислимым, что в государстве, приверженном принципу верховенства права, лицо может находиться в условиях лишения свободы в учреждении, находящемся значительное время вне зоны ответственности государственной власти. Такая ситуация способствует безнаказанности в отношении всевозможных злоупотреблений и является абсолютно

несовместимой с ответственностью властей за содержание лиц, находящихся под их контролем [25].

К категории позитивных можно также отнести определенные обязательства, возникающие на основании положений подп. «е» п. 1 ст. 5 Конвенции, на наличие которых Суд указал в упоминавшемся выше постановлении по делу «Nielsen vs Denmark». Имеются в виду обязательства по государственному контролю за инициативой частных лиц по лишению других лиц свободы [12]. Вместе с тем, как уже было отмечено выше, речь не идет о наложении на государства чрезмерных обязательств в этом отношении.

Таким образом, завершая рассмотрение вопроса о предметных пределах права на свободу и личную неприкосновенность в контексте ст. 5 Конвенции, можно сделать вывод о том, что лишение свободы – это применяемая государством, либо находящаяся в сфере государственной ответственности по Конвенции, мера, состоящая в ограничении лица свободы, в условиях которого от лица требуется находиться в пространственных пределах, ограниченных определенным местом (в т.ч. на улице, в помещении, в транспортном средстве), в том случае, когда данная мера не является элементом содержания правового статуса лица.

### **Список источников и литературы**

1. Красиков Д.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении заключения под стражу в качестве меры пресечения // Закон. №1. 2009. С. 57.
2. Курдюков Д.Г. Индивидуальная жалоба в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Воронеж, 2001. С. 104-119.
3. Маковой М., Разумов С.А. Указ. соч. С. 33-34.
4. Право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания: европейские стандарты, российское законодательство и правоприменительная практика / под ред. Л.М. Чуркиной; общ. ред. С.И. Беляева. Екатеринбург, 2005. С. 24-37
5. Принципы, пределы, основания ограничений прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: материалы круглого стола журнала «Государство и право» // Государство и право. 1998. №7. С. 25-26.
6. Создан на основании Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года // Собрание законодательства РФ. 7.09.98. № 36, ст. 4465.
7. Ст. 2 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 года // Официальный сайт ООН. URL:

<http://www.un.org/russian/documen/convents/disappearance.html> (дата обращения: 01.03.19).

8. Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 109-111

9. Ходаковский Д.В. Международные институты по контролю за соблюдением прав и свобод человека. Параметры становления и развития в современном миропорядке // Государство и право. 2004. №12. С. 51-52.

10. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 231.

11. Alkema E.A. The Third-Party applicability or “Drittwirkung” of the ECHR // Protecting Human Rights; the European Dimension. Köln, 1988. P. 33-45.

12. Application no. 10929/84, Nielsen v. Denmark, European Commission of Human Rights Report of 12 March 1987, § 102.

13. Application no. 1748/02, Belousov v. Russia, ECHR Judgment of 2 October 2008, § 72;

14. Application no. 20755/04, Akhmadova and Akhmadov v. Russia, ECHR Judgment of 25 September 2008, § 96.

15. Application no. 23286/04, Takhayeva and others v. Russia, ECHR Judgment of 18 September 2008, § 110.

16. Application no. 37680/97, Riera Blume and Others v. Spain, ECHR Judgment of 14 October 1999, § 35.

17. Application no. 5140/02, Fedotov v. Russia, ECHR Judgment of 2 October 2005, § 78; Application no. 59261/00, Menesheva v. Russia, ECHR Judgment of 9 March 2006, § 87;

18. Application no. 59261/00, Menesheva v. Russia, ECHR Judgment of 9 March 2006, §§ 54-56;

19. Application no. 60272/00, Estamirov and others v. Russia, ECHR Judgment of 12 October 2006, § 118;

20. Application no. 68007/01, Alikhadzhiyeva v. Russia, ECHR Judgment of 5 July 2007, § 87;

21. Application no. 74237/01, Baysayeva v. Russia, ECHR Judgment of 5 April 2007, § 145.

22. Application no. 77617/01, Mikheyev v. Russia, ECHR Judgment of 26 January 2006 § 104.

23. Applications nos. 12713/02 and 28440/03, Lyanova and Aliyeva v. Russia, ECHR Judgment of 2 October 2008, § 123-124;

24. Applications nos. 57942/00 and 57945/00, Khashiev and Akayeva v. Russia, ECHR Judgment of 24 February 2005, § 153;

25. Applications nos. 57953/00 and 37392/03, Bitiyeva and X v. Russia, ECHR Judgment of 21 June 2007, §§ 117-118.

26. CCPR General Comment No. 3 of 29 July 1981: Implementation at the National Level (Art. 2) // United Nations Human Rights Website. Treaty Bodies Database. URL:

<http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/0/c95ed1e8ef114cbec12563ed00467eb5?OpenDocument> (дата обращения: 01.03.19)

27. CCPR General Comment No. 31 of 26 May 2004: Nature of the General Legal Obligation Imposed on State Parties to the Covenant // United Nations Human Rights Website. Treaty Bodies Database. URL: <http://www.unhchr.ch/tbs/doc.nsf/0/58f5d4646e861359c1256ff600533f5f?OpenDocument> (дата обращения: 01.03.19).

28. Conforti B. Exploring the Strasbourg Case-Law: Reflection on State Responsibility for the Breach of Positive Obligations // Issues of State Responsibility Before International Judicial Institutions / ed. by M. Fitzmauris, D. Sarooshi. Oxford, 2004. P. 129-137.

29. Drzemczewski A. The Domestic Status of the European Convention on Human Rights; New Dimensions // Legal Issues of European Integration. No. 1. 1977. P. 1-85.

30. Eissen M.A. La convention et les devoirs des individus // La protection des droits de l'homme dans le cadre européen. Paris, 1961. P. 177.

31. Gomien D. Short Guide to the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Strasbourg, 2005. P. 16-19.

32. Starmer K. Positive Obligations under the Convention // Understanding Human Rights Principles / ed. by J. Jowell, J. Cooper. Oxford, 2001. P. 139-159.

33. The European System for the Protection of Human Rights / ed. by R.S. MacDonald et al. Deventer, 1993. P. 163-206.

34. Van Dijk P., Van Hoof G.J.H., Heringa A.W. et al. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. The Hague; London; Boston, 1998. P. 23-29.

## К сведению авторов

### Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRomanCyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

#### Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желателен разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в

алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно)

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех., кто входит Редакционного совета или Редакционной коллегии Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя — обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

**Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.**

**Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.**

**Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.**

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

**The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal “IR SCIENTISTS HERALD”**

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — "from the heart" from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

**The structure of the text:**

**Information about author / authors:** name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

**The title of the article**

**The abstract** (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

**Keywords** on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

**The main text of the article**, preferably split into sub-sections (with headings).

**The initials** in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys "**Ctrl**" + "**Shift**" + "**space**"). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks "...", if there are internal and external quotation marks, the external act "Christmas tree", the internal "legs".

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys "**Ctrl**" + "**Alt**" + "-", and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages).

Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor "Superscript a" — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic "footnotes" text editor is not used. "Footnote" is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into "Word" and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793 ([link](#))

Научное электронное периодическое издание  
**ВЕСТНИК МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ**  
2019. № 1 (7)

**ISSN: 2658-6819**

**Издатель:** Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации».

**Адрес Редакции Журнала:** 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.345

**Адрес электронной почты:**[vestnik-smu-da@yandex.ru](mailto:vestnik-smu-da@yandex.ru)

**Электронный адрес размещения выпуска Журнала:**

<http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>

**Научный редактор выпуска Журнала:** О.П. Иванов (д.п.н.).

**Редакционная коллегия выпуска Журнала:** Шангараев Р.Н. (к.э.н.), Тимакова О.А. (к.п.н.), Кулябина Л.Н. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А.(к.л.н.).

**Технический редактор выпуска Журнала:** А.В. Амелина

**Верстка:** Р.Н. Шангараев

**Оформление:** Р.Н. Шангараев

Подписано к печати 07.05.2019.